

18+ Александр Павлюков

ОПЕРАЦИЯ «АМЕРИКАНСКИЙ БРАТИШКА»

Александр Павлюков

**Операция «Американский
братишка»**

«Издательские решения»

Павлюков А.

Операция «Американский братишка» / А. Павлюков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-511045-9

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. В**
каждом шкафу таится скелет. В этом убеждается состоятельный человек
— Сергей Коновалов. Оказывается, его настоящая фамилия — Попов, и
семейная история ведет в страшный круговорот событий начала прошлого
века. Коновалов едва не становится жертвой преступной группировки, уже
подобран двойник, чтобы завладеть его зарубежным имуществом и счетами,
но неожиданно в ход событий вмешивается большая политика. Тайны, поиск
мотивов, сыщики, преступники — дух захватывает. Книга читается на одном
дыхании.

ISBN 978-5-00-511045-9

© Павлюков А.
© Издательские решения

Содержание

1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Операция «Американский братишка»

Александр Павлюков

Танечке

Художественное оформление обложки Адель Осетрова

© Александр Павлюков, 2020

ISBN 978-5-0051-1045-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

– Внимание, объект ставит квартиру на охрану, через пару минут принимайте, – бесцветный женский голос по закрытому радиоканалу хлыстом ударил по ушам.

Двое мужчин, устроившихся в беседке обычного московского двора на Юго-Западе, посмотрели друг на друга, словно проверяя, правильно ли они поняли приказ, и поднялись, машинально отряхивая брюки. Тот, кто повыше и постарше, с потертым лицом регулярно выпивающего свою норму человека, затушил до половины выкуренную сигарету и спрятал окурок в миниатюрную пепельницу, извлеченную из кармана спортивной куртки-ветровки. Молоденький напарник восхищенно проводил элегантный предмет глубоко посаженными водянистыми глазками, водрузил на коротко стриженую белобрысую голову синюю бейсболку, энергично сплюнул метра на три, в сторону зазевавшегося голубя, промазал и ничего не сказал, только матерно выругался про себя.

– Ваша задача, – продолжал голос, выдержав короткую паузу, – наблюдение и при необходимости защита объекта. Мы знаем, куда и зачем он направляется. Доклад по его прибытии на место встречи. Конец связи.

Еле слышный щелчок миниатюрных наушников подтвердил, что «Центр» отключился. Еще в начале совместной работы, без малого год назад, эти двое договорились не обсуждать мелькающие, словно пестрые телевизионные картинки – объекты наблюдения. Комментировать же получаемые задания в их системе было вообще строжайше, под расписку, запрещено: это вам не какое-нибудь частное охранный предприятие.

Думать напарникам, однако, запретить никто не мог. И нетрудно догадаться, о чем они думали. Такой денек, вне всякого сомнения, лучше было бы потратить на что-нибудь повеселее, чем топанье за неизвестным и лично к тебе не имеющим никакого отношения мужиком. Разгар весны, даже среди бетона и асфальта ходит пьянящими волнами густой клейкий запах лопающихся под напором молодой листвы почек. Вот и в этом с разросшимися лет за сорок деревьями дворе в тени беседки свежо, даже прохладно, но уже через десяток метров выйдешь на солнышко – и оно ласково проведет теплой ладонью по лицу, шее, рукам. Жалко только, деньги платят не за восторги и не за описания природы. Хорошо было какому-нибудь Тургеневу, его сиволапые мужики кормили. В наше время мало-мальски нормальные, с копейкой за пазухой люди в весенние выходные всеми силами стараются убраться из города. А вот объект, гад, остался.

Объект, гражданин мужского пола, на первый взгляд слегка за шестьдесят, славянской внешности, бодро направился к остановке троллейбуса. Необходимо пояснить молодому читателю, что такие типажи в конце эпохи застоя можно было безошибочно причислить к номенклатуре чуть выше средней руки или к культурным торгашам из тех, кто платил бешеные деньги за билеты на Таганку, чтобы усесть там в первые десять рядов и лицезреть кумира миллионов – Владимира Высоцкого. Давно это было, даже не верится. Теперь все стало немного сложнее. Номенклатура, конечно, никуда не делась, просто сменила, скажем, вывеску «ЦК КПСС» на «Администрация Президента РФ». Адрес, кстати, остался тот же. С торгашами не так: они взрывным образом расплодились, будто полчища разномастных тараканов одновременно вырвались из подполья. Разгадка в том, что и те и другие перестали корчить из себя скромников – раньше одни это делали из идеологической принудилки, а завмаги и цеховики – из чувства элементарного самосохранения. Теперь-то что и перед кем скрывать? Наоборот, гордиться надо, каждым миллионом баксов гордиться и ковать следующий.

Так ли думали двое, именуемые в просторечии топтунами, или нет, пусть останется при них. В конце концов и молодой – он, кстати, и не мог помнить никакого застоя, – и тот, что

с потертым лицом, пройдут в этой истории по касательной, да и где это видано, чтобы рядовые филеры вылезали в главные герои – не было такого и не будет.

Правда, на объект придется, как выражаются в определенных профессиональных кругах, составить словесный портрет. В былинные времена строительства развитого социализма такие деловые поджарые мужики ездили в черных «Волгах», на выходные забирались в какие-нибудь «Лесные дали», чтобы подвигаться на теннисном корте или волейбольной площадке, вдоволь надышаться кислородом, настоящим на сосновых иглах, набраться сил и в понедельник снова занять законное место в кабинете на Старой площади. Там же среди себе подобных перебирали входящие и исходящие, писали служебные и докладные записки, составляли справки и отчеты, отсиживали положенные часы на совещаниях, завтракали, обедали, плескались в бассейне, заказывали книги, получали выстиранные и накрахмаленные белые сорочки, и даже ключи запасные от квартиры слесарили им тоже там.

В новые времена пришлось быстро уразуметь – или подсказали сообразительные детки и оборотистые зятья, – что лучше, выгоднее и для здоровья полезнее трудиться, используя десятилетиями наработанные связи, в достойном концерне или банке, чем размахивать красными знаменами по партийным праздникам в компании полусумасшедших старух и беззубых отморозков. Пришел-таки «Мерседес» на смену крестьянской лошадке.

Людей такого солидного возраста и положения можно теперь часто встретить в Москве у магазинов и ресторанов, что называется, «с репутацией». Они в наше демократическое время не гнушаются даже сесть за руль, только сменили «Волги» и «Семерки» на немецкий, японский и корейский автопром. Сами делают покупки, нужна мотаться за балыком и колбасой в спецраспределитель на бывшую улицу Грановского, ныне Романов переулок, отпала. Пусть туда ходят иностранные туристы и гости столицы, плятятся на окна Кремлевской больницы на углу или на свадебный балкон дворца графов Шереметевых, куда молодой богач Николай Шереметев привез возлюбленную – крепостную актрису Парашу Ковалеву-Жемчугову – уже законной женой и графиней. Быль давно ушедших времен – Золушка и сказочный принц.

Вот что примерно промелькнуло в голове у обремененного годами и опытом топтуна, а вызвано было всем обликом – одеждой, прической, осанкой и даже уверенной и спокойной, какой-то элегантно гибкой походкой объекта. Голубые, именно голубые, а не синие, джинсы без вульгарной желтой нитки, серая в мелкую клетку рубашка батон-даун, апельсинового цвета замшевые мокасы и в тот же тон замшевая куртка спортивного кроя – что вам еще надо? Прическа короткая, седые волосы в два сантиметра – такую фарца шестидесятых называла между собой «Крю кат», утверждая, что это и есть штатовская армейская стрижка. В руке – только что вынутая из почтового ящика газета.

Старик (так напарника называл про себя молодой и не обремененный пока еще печальным опытом коллега) позволил себе чуть заметно вздохнуть, вспоминая, с каким восторгом когда-то он, пятилетний пацан, пялился на удачливых и отчаянно веселых молодых людей, чей жаргон до сих пор сохранился в памяти. Вот только сами они исчезли, растворились без следа на необъятных просторах тогда еще социалистической родины, благо статей УК РСФСР для таких шустрых было заготовлено предостаточно. Или все-таки сохранились единичные экземпляры, вроде сегодняшнего объекта? Кто знает, только и оставалось, что еще раз тихонько, про себя вздохнуть и вслед за молодым и объектом залезть в подошедший и, словно назло, напомнивший любимую и сто лет не петую песню про синий троллейбус.

Чуть позднее топтуны поняли, почему объект выбрал странный, с двумя пересадками – еще трамвай и автобус – маршрут. Он просто не хотел в такой славный весенний денек лезть под землю, дышать отвратительным вагонным воздухом и насиловать слуховой аппарат визгом и скрежетом столичного метрополитена. Пока же, устроившись на обитом тканью сиденье, мужчина достал из внутреннего кармана кожаный очешник, водрузил очки в золотой оправе на прямой, без единой синей прожилки нос и углубился в просмотр газетных объявлений.

До метро «Академическая» все трое добрались без приключений. Здесь к объекту подошел с широкой открытой улыбкой и обменялся крепким рукопожатием человек примерно одного с ним возраста, только пониже ростом и поплнее телом, с чуть курносый носом и большими залысинами на черепе, а так, можно сказать, двойник. Носил он, правда, не джинсы, а вельветовые брюки болотного цвета, мокасины на нем были кожаные, черные, а замшевая куртка скроена на манер рубашки навывпуск, но тоже апельсинового цвета, под ней – тонкой шерсти светло-серая водолазка. В левой руке – зеленая пластиковая папочка, вроде как для документов. Все это, конечно, для окружающих, да и для истории не имело никакого значения, просто наружники привыкли подмечать для себя разного рода детали: кто знает заранее, что потом может пригодиться для рапорта...

Полный мужчина еще раз приобнял своего товарища, похлопал его по плечу и, привстав на цыпочки, то ли потерся щекой о щеку, то ли принохался.

– Чем-то пахнет от тебя, Сережа. Вроде знакомый запах, а вот что такое – никак не пойму, – признался полненький.

– А ты напрягись, Коленька, напрягись, – улыбнулся во все тридцать два аккуратных искусственных зуба объект.

Старые приятели любили разного рода розыгрыши и загадки. Топтуны знали, как раз была их смена, что объект, от которого обычно исходил устойчивый запах туалетной воды «Босс», ездил позавчера на рынок у метро «Теплый стан», где и приобрел флакон одеколону «Красная Москва». Старший тогда еще подумал: «Спирт, наверное, понадобился, протирать что-нибудь». Кто же в наше время употребляет давно забытые копеечные одеколоны, если только от безысходности, в случае жестокого запоя, внутрь. Запах «Красной Москвы» оказался, правда, не единственным сюрпризом, приготовленным объектом своему товарищу. Но об этом топтунам узнать было не суждено.

«Объект вступил в контакт с неизвестным мужчиной примерно шестидесяти пяти лет. Направляются в летнее кафе «Двоеточие», – доложил старший топтун в «Центр». И припомнил, что был тут когда-то в подвале не кабак, а общественный туалет. В конце семидесятых ему, только начинавшему тогда гэбэшную карьеру сопляку, часто приходилось навевываться на этот самый угол у метро. Понятно почему – рядом были две валютные «Березки», а валютой занимался в те времена, да и теперь тоже, если по-серьезному, ГБ. В «Центр» он попал – да нет, правильнее будет сказать, его подобрали в – голодные девяностые. Ладно, неважно. Хотя как же забудешь свою первую премию, и где теперь те двое – грузин и прибалт, оформленные по соответствующей статье? «Насрать на них, – обозлился сам на себя топтун, – молодость ушла навсегда, вот что плохо».

– Устраивайтесь там же, наблюдайте, можете перекусить, на глаза не лезьте. Напоминаем насчет спиртного – не больше кружки пива, – расщедрился, словно вспомнив, что сегодня выходной, «Центр», – конец связи.

Топтун со стажем и предполагать не мог, что им с молокососом-напарником сегодня так повезет. Люди уровня объекта не ходят в уличные пивнушки. Для них существует дюжина сверхдорогих заведений типа кафе «Пушкинь» на Твербуле, где они утоляют утренний голод гурьевской кашей в обществе себе подобных. При таком раскладе самое место нам, рассуждал ветеран, было бы на садовой скамейке – правда, у фонтана. В самом деле, удивительно: ноль понтов, такой, с первого взгляда видно, большой человек, а живет без авто с охраной, ездит себе в троллейбусе по социальной карте москвича и назначает встречи в заведении, где даже скатертей на столиках не имеется. С другой стороны, большое спасибо надо бы сказать объекту: редко выпадает случай, никуда не торопясь, поесть и попить за казенный счет.

Проходя между столиками в дальний, в тени, выходящий в какой-то двор и отделенный от него декоративным забором с цветущими анютиными глазками угол, опытный филер повел

глазами в сторону забрызганного грязью и слегка помятого фургона «Газель», притулившегося невдалеке от заднего входа в заведение. В самом деле, в «Центре» точно знали, куда и зачем направляется объект, и подготовились к записи разговора двух солидных мужчин, явно давно знакомых друг другу и обрадовавшихся встрече. Это значило, что телефоны как минимум одного из них стояли на круглосуточной прослушке. Столик, за который посадят собеседников, соответствующим образом оборудован. Обслуживающий персонал в курсе. И еще это значило, что случится сегодня может всякое.

Ошибся опытный топтун: для них с напарником все закончится просто долгим сидением в кафе. Сколько раз говорено: не загадывайте и не лезьте поперед батьки в пекло. В «Центре» знают, что делают. Всегда, при любой, между прочим, погоде и любой, кстати, власти, он ведь как Третий Рим, а четвертому не бывать. Аминь.

Мужчина – тот, что в голубых джинсах, – взял инициативу на себя и, усаживаясь за услужливо подобранный администратором столик, пошевелил в воздухе пальцами правой руки. Получается, он и был приглашающей стороной, а второй, полненький, – приглашенной. Молоденькая грудастая официантка в чистеньком переднике с вышитым красной ниткой узором подала меню и застыла в ожидании, словно хорошо тренированная породистая борзая, готовая по первым звукам команды ринуться в погоню за зайцем.

Безошибочный инстинкт и немалый уже опыт подсказывал девушке, что день начался неслабо: такие хорошо упакованные папики на чай дают как положено, никак не меньше нормы. И денежки у них в карманах брюк рядом с яйцами шевелятся, а у нее грудь, как у Мерилин Монро, и это ее каталожную попку они еще не видели! Оценят, можно не сомневаться, – слюна начнет отделяться раньше, чем она закуску принесет. И вообще, почему бы нет, свет, что ли, на этой сраной кафешке и вонючем администраторе Игоряше клином сошелся? Тут стоит жопой покрутить – может, лишняя пара сотен баксов и выгорит. Получают же люди в приличных фирмах сверхурочные. «И отчего только две сотни – тут важно не продешевить, именно с первого раза себя правильно поставить», – Тамара внутренне рассмеялась – ничего себе, удачно сказала. Для этих мужиков вынуть из кармана пятьсот баксов – что тебе плюнуть. Вспомнились не к месту любимая поговорка Игоряши: «Кто не был – тот побудет, кто был – тот не забудет» – и сине-красная паскудная татуировка на лобке. И так она прямо в одну секунду эту жадную сволочь возненавидела, что внизу живота стало горячо и чуть ли не мокро. И улыбнулась папикам скромно и приветливо. По-домашнему. Что не помешало, правда, подвести итог мыслям о козле Игоряше: «Чтоб ты сдох, падла ссученная!» – тут она попала в самую точку...

Обязательно следует понимать, что все дальнейшие разговоры, решения и поступки действующих лиц можно при необходимости весьма точно, и даже на семьдесят-восемьдесят процентов, стенографически воспроизвести по записям «Центра», отчетам и свидетельским показаниям. А также, естественно, узнать, кто там, на верхах, распоряжался в этот солнечный денек. В «Центре», как уже было сказано, не дураки сидят, там фиксируют и чужих, и, не менее строго, своих.

Разговаривали старые друзья негромко – видимо, привыкли за много лет, что к их словам внимательно прислушиваются и подчиненные, и обслуга, повышать голос им незачем. Так что наружка с полным правом могла отключиться, наблюдая все же, конечно, вполглаза. Пусть и в выходной весенний день в кафе было практически пусто – мало ли что, от пьяного дурака и случайного кирпича никто не застрахован. Всякое бывает. А слушать разговоры команды не было. К тому же меньше знаешь – дольше живешь. Уж они-то были уверены, что в соответствующем кабинете «Центра» слышимость отличная и при этом разговор, конечно, писался на пленку. Как и положено.

«Интересно все-таки, что это за гуси-лебеди, – подумал, выбирая пиво покрепче и опорожня от накопившихся окурков свой красавец-сувенир в кафешную, с фирменной надписью пепельницу, старший филер, – да ладно, хер с ним, видно, так никогда и не узнаем». Его молодой напарник ни о чем таком не думал, просто радовался неожиданно свалившимся халявным посиделкам в приличном, по его представлению, заведении, дармовому пивку и закуске. Вообще-то он мечтал поднабраться на службе опыта и впечатлений и заделаться сценаристом телесериалов – благо все они так или иначе крутятся вокруг вечной темы: один убегает, другой догоняет, и в конце концов красавица-героиня с восторгом отдается мужественному парню-герою. Увлечшись изучением меню, филеры не заметили, как за невысоким кованым заборчиком открытой веранды остановился невысокий мужчина в неприметной ветровке с капюшоном, достал из нагрудного кармана пачку сигарет, не торопясь несколько раз щелкнул зажигалкой со встроенным в нее миниатюрным фотоаппаратом, прикурил и направился дальше по своим делам.

Кстати сказать, пора, давно уже пора представить на всеобщее обозрение по фамилии-отчеству этих солидных клиентов летнего заведения «Двоеточие». Судя по паспорту в левом внутреннем кармане куртки (отметим для протокола, у сердца держит двуглавого, у сердца!), объекта звали Коновалов Сергей Петрович, шестидесяти шести (еще раз нота бене – бб, явно не к добру, тут чутье опытного филера не подвело!) лет от роду, москвич, прописан на улице Марии Ульяновой, дом номер ..., квартира ... – ну, это в «Центре» хорошо знали.

Из цеховских или совминовских – тут опытный топтун промахнулся – одним словом, номенклатурных, происходил как раз второй мужик, поленький. Такое сытое брюшко можно было заработать во время оно только в спецбуфетах и на добрых пайках, вот хотя бы и с улицы Грановского или из спецраспределителя в бывшем Доме Правительства – том, что с легкой руки популярного некогда романиста именуется Домом на набережной, а в просторечии у метких на язык коренных москвичей – «Братской могилой». Интересующиеся жертвами культа личности приезжают туда поохать и постонать у гранитных досок в память о невинно убиенных комиссарах в пыльных шлемах. Недолго им пришлось питаться в спецстоловке. Ладно, вернемся к тем, кому с пайками как раз повезло. Брюшко у товарища образовалось, впрочем, очень даже милое, совсем не пивное брюхо нынешних бритых наголо скоробогачей. Правда, от такого трудно избавиться, да и зачем, оно для понимающих людей вроде визитной карточки. Да, так вот, просим любить и жаловать – Смирнов Николай Николаевич, в прошлом заведующий подотделом Госплана РСФСР, а ныне – член Правления одного из банков первой сотни, название никому не интересно, да и банк в рекламе по определенным причинам не нуждается.

– Ты сегодня мой гость, Коля. Тебе, стало быть, и право первой ночи, – Сергей Петрович чуть заметно подмигнул аппетитной официантке, перевел глаза на беленький прямоугольник бейджика на ее груди и подумал про себя: «Вот это дыни-колхозницы, да еще, пожалуй, натуральные. Интересно, однако, Колина Матрена где, в городе или на даче? Если на даче, ставлю сто к одному, что Коля эту телку в стойло заведет».

– Я, пожалуй, открою сегодня пивной сезон, – Николай Николаевич отложил коричневую папочку меню, – так что пол-литровую кружечку светлого, самое главное, свежего, креветки без майонеза, с половинкой лимона, фисташки. Глядишь, аппетит и разыграется, – Николай Николаевич со значением посмотрел на официантку.

– Мне, будьте добры, Тамара, бутылочку красного сухого, если есть, чилийского, французское, скорее всего, паленое, а к вину – моцареллу с помидорчиком. Не дрейфь, Коля, бутылочку мы под горячее всяко уговорим, давно ведь не виделись, есть о чем поговорить.

Угледел-таки Сергей Петрович, на зависть приятелю, имя официантки на бейджике. Не стареют душой ветераны. Ну, такого рода маленькие турниры случались у них в былые годы регулярно и заканчивались, как правило, лишенным условностей весельем в какой-нибудь подходящей к случаю баньке. Одно время они даже хату снимали специально для расслабухи. Вер-

нее, снимал и платил за квартиру Сергей Петрович – Николай Николаевич опасался по понятным причинам: не хотел рисковать положением. О существовании «Центра» и тогда самые прозорливые догадывались, ходили в те не так уж далекие времена разговоры о разных методах слежки за представителями верхушки правящего класса. Вот только зря приписывали «Центру» номенклатурные шалуны разного рода громы и молнии, поражавшие грешников. Напрасно это.

Пора, наверное, внести некоторую ясность в то, что же такое «Центр». Насколько это вообще возможно, вот ведь даже и наш наружник со стажем не слишком-то в курсе. То есть он может думать, что знает, а на самом деле – нет. Всякие там медали, грамоты, значки со щитами и мечами, записи и печати в трудовых книжках – это все для обычных граждан, неважно, одобряют они, скажем, демонтаж памятника Железному Феликсу или нет. «Центр» к этому равнодушен. Он существовал, наверное, еще до того, как предки этого самого Феликса получили дворянство. Некоторые думают, что «Центр» – это Лубянка или «Аквариум». Глупости все это. «Центр» отличается от них, как, например, Кремль от Москва-Сити. Цену стеклянным небоскрегам подсчитать легко, даже элементарно, а Кремлю? Нет у него цены, и не будет. Так и с «Центром». То, что он получает, обрабатывает и хранит, не имеет цены, а стоит он в столице от века. Может быть, это как раз столица и держится пока что его тщанием и заботами. Не исключено. Такова, во всяком случае, легенда, а как там на самом деле – кто знает?

– А у меня, Коля, для тебя подарок есть, – Сергей Петрович полез в правый внутренний карман куртки.

– Это хорошо, – откликнулся Николай Николаевич, правда, без особого энтузиазма. Перед глазами все еще играла выпуклыми мышечными тканями аппетитная Тамарина задница.

Сергей Петрович продемонстрировал, что понимает старшего товарища без слов. Да и грудь тоже так и просится...

Николай Николаевич протянул руку – и в пухлую ухоженную ладонь легла увесистая связка ключей.

– И какой Сезам они открывают?

– Ты там был пару раз. Улица только противно называется. Терпеть не могу эту семейку, хотя о покойниках, как говорится...

– Твоя городская, однокомнатная?

– Она самая.

Расторопная Тамара принесла заказ. И очень вовремя, потому что Николаю Николаевичу потребовалось время, чтобы переварить сказанное. Можно было даже констатировать временную потерю дара речи. На этот раз он не проявил должного внимания к фемине в белом переднике и позволил себе отпить пива из кружки, не дожидаясь, пока Сергей Петрович продегустирует темно-красную жидкость, утвердительно кивнет головой и приподнимет наполненный Тамарой бокал в знак приветствия и радости по поводу долгожданной встречи.

– Послезавтра можешь начинать осваиваться, – Сергей Петрович проглотил кусочек моцареллы, покрытый помидорным ломтиком, – если супруга не зарядит на важное задание.

– Она у Кольки на Оклахомщине. Учит внуков великому и могучему.

– А папа с кем же?

Заслуженный пенсионер и орденосец, папенька Николая Николаевича успешно перевалил за девяносто, чувствовал себя на удивление бодро, более того, по-прежнему требовал, чтобы его держали в курсе дел и очень обижался, если что-то пытались скрыть. Серьезные деловые решения в банке мало того, что без него не принимали, он их иногда еще сам и озвучивал. Вот и несколько месяцев назад просьбу Правления (то есть его собственную) к Сергею Петровичу об уступке солидного пакета акций в пользу иностранного инвестора—стратега

взялся изложить именно старик – лично, с глазу на глаз. Просто потому, что именно он этот банковский проект задумал и пробивал и персонально в свое время в него Сергея Петровича пригласил. За ним на первых порах стояли и базовые клиенты – старые его приятели из славной когорты красных директоров. К тому же кое-какие детали той давней сделки только им двоим и были известны, даже сыну опытный чиновник не счел нужным сказать ни слова, ни полслова.

– Отец с экономкой. Да ладно тебе ехидничать, Сережа, вечно ты вот так. Ну что ты лыбишься, ей далеко за пятьдесят, ее Ирина нанимала через агентство. В конце концов, мой родитель тоже не железный. Может, конечно, за сиську ухватить, но не более того. Тебе, кстати, привет просил передать.

– Спасибо. Скажи ему, что я соскучился.

Тут придется вкратце пояснить два обстоятельства. Все первенцы мужского пола в семье Николая Николаевича из поколения в поколение получали именно это, уважаемое и даже святое для всякого русского человека, имя. Чтобы все было ясно, в честь Николая-угодника. И никого не смущало, что одновременно в семье могли функционировать несколько Николаев Николаевичей. В отличие от императорской фамилии не было нужды именовать их «старший» и «младший». Все было проще: кого-то звали до определенного возраста Колькой и Коляном, потом Николаем и Николой, ну и в свое время начинали именовать Николаем Николаевичем. К тому же соответствующая интонация исключала путаницу.

Лет эдак пятнадцать назад единственный и любимый сынок нашего Николая Николаевича отбыл по научному обмену в Штаты, да так там и задержался. Годовой контракт давно закончился, но шустрый Никола отлично устроился на какой-то научно-исследовательской фирме, потом из-за выполнения секретного пентагоновского заказа его оттуда вежливо попросили как гражданина не самой дружественной эрэфии, и он перешел преподавать в Оклахомский университет. Двое детишек, первенец, естественно, Колька, то бишь Ник, от жены-американки и, что немаловажно, белой леди поставили сына на крепкий якорь. Дом с пятью спальнями, гараж на две машины, бассейн, лужайка с барбекю. Семейные узы поддерживала Ирина Митрофановна, устоять под ее напором вряд ли смог бы и сам Джордж Буш-старший. Американское гражданство, правда, Никола принимать не спешил, может быть, не любил давать клятвы.

Николай Николаевич за океан не рвался, его тешила мечта, что в отсутствие Ирины Митрофановны он может покобелировать всласть, хотя, правду сказать, последнее случалось все реже и реже. «Что делать, – говорил он Сергею Петровичу, – наше поколение не рождено для продажной любви». Это правда, в эпоху расцвета их мужской силы проститутки существовали только для иностранцев и командировочных. Приличные люди устраивались по-другому, и как устраивались! Сергей Петрович в знак согласия кивал головой, порывался что-то сказать в подтверждение слов коллеги, но по молчаливому уговору дружба никогда не обсуждали вслух свои любовные интрижки, даже самые занимательные...

– Спасибо, ты не поверишь, как эти ключи вовремя. Домой или на дачу таскать как-то не комильфо. Да и контингент нынче сомнительный. И потом, знаешь, я уже не могу где придется, наспех, без душа, льняного постельного белья, чашки приличного чая, наконец. Тем более по часам. Ну, ты понимаешь. Хорошее женское тело заслуживает тщательного подхода.

Собеседники, не сговариваясь, посмотрели на официантку Тамару и тут же отвели глаза...

В этот самый момент в кабинете в центре Москвы, обычном рабочем кабинете без излишеств и намозолившего глаза людям с традицией стандартного евроремонта, обшитом на уровне человеческого роста деревянными панелями мореного дуба, раздался то ли кашель, то ли сдавленный смешок. Беседа двух старых приятелей явно заинтересовала хозяина кабинета, и он вставил в большое ухо с пучком торчащих из него темных волосков маленький науш-

ник, до этого лежавший перед ним между стопкой деловых бумаг и пачкой сигарет «Мальборо». Система, соединявшая кабинет с тем самым неприметным фургоном, автоматически отключила громкую связь.

– Нашел кому ключики передавать, – пробурчал себе под нос хозяин кабинета, видимо, зная о Николае Николаевиче нечто такое, что было неизвестно даже его старинному приятелю, – да ладно, какая, в конце концов, разница.

Человек в кабинете со старинными, тридцатых годов прошлого века деревянными панелями на этом мысленно поставил пока точку с запятой и поднес поближе к глазам очередную бумагу из стопки, словно показывая этим невидимому наблюдателю, что даже в выходной день не стоит зря терять время и что опытные кадры запросто могут делать два дела одновременно.

Чтобы закончить предварительное знакомство с хозяином кабинета в центре Москвы, а точнее, именно в «Центре», стоит посоветовать всем желающим заглянуть в Интернет – там легко найдется фотографическое изображение многолетнего помощника Вождя всех времен и народов по фамилии Поскребышев. Это и будет примерный портрет хозяина кабинета в «Центре». Стоит добавить, что порученными ему операциями он привык руководить лично, хотя и был уже совсем даже не первой молодости. Поэтому и парился, правда, без пиджака и галстука, в чудесный весенний день на службе, а не освежался пивком под соответствующую закуску...

– Я оставлю тебе, Коля, все бумаги, доверенность, кредитку на расходы по квартире и прочее на кухонном столе. Сигнализация закодирована на мой день рождения – надеюсь, не забудешь.

– Объясни, в чем дело, Сережа, – Николай Николаевич не на шутку встревожился. Несмотря на свое бравое прошлое и уверенное настоящее, он не привык принимать судьбоносных решений. Когда-то за него это делал отец, три десятка лет проработавший в Управлении делами союзного Совмина, потом бразды правления домом уверенно взяла в свои руки Ирина Митрофановна, дама тоже вовсе не из простых.

– Давай, Коля, съедим что-нибудь посущественнее, – оставив приятеля на время в неведении и продолжая держать инициативу в своих руках, предложил Сергей Петрович, – ты что будешь, мясо или рыбу? И призывно махнул Тамаре, не дожидаясь ответа.

– Наверное, мясо, – неуверенно промямлил Николай Николаевич, застигнутый врасплох необходимостью реагировать на неожиданную новость. «Одно дело, – подумал он, еще ощущая в кулаке многообещающую тяжесть ключей, – заглянуть в приятельскую квартиру на пару часов, чтобы, не торопясь, перепихнуться со случайной подругой, совсем другое – распорядиться чужой жилплощадью». И, только увидев на расстоянии вытянутой руки внушительную, призывную, тоскующую по грамотной мужской ласке Тамарину грудь, пришел в себя, оживился и попросил слабoproжаренной вырезки.

– Ну вот и хорошо, – резюмировал Сергей Петрович, – уезжаю я, Коля. Наверное, надолго.

– Этого я и боялся, – выдохнул Николай Николаевич, – еще когда ты вышел в кэш, я подумал, что больно ты легко тогда согласился. Вот так раз – и продал все свои акции. Нет, деньги, конечно, достойные, тут и спорить нечего.

– Не угадал, друг ты мой ясный, – Сергея Петровича даже позабавила неуклюжая попытка старого приятеля, – так и быть, дело прошлое, напоминаю давний разговор и условие твоего отца – по первому требованию я выхожу из состава учредителей и продаю акции. Условие выполнено, Сережа. Действительно, не спорю, банк и дальше был готов держать меня хоть до смерти на зарплате, нехилой, между прочим. Претензий быть не может, я сам отказался.

– Я, кстати, на тебя обиделся, когда ты неожиданно ушел из банка и мне слова не сказал, – Николай Николаевич хотел продолжать, но тут подоспела Тamarочка с мясом. Не забыла и чистенький бокал.

– Напрасно, между друзьями обид быть не может, – кивнув официантке, Сергей Петрович плеснул товарищу вина, – пора переходить на красненькое.

– Ладно, рассказывай, – Николай Николаевич, демонстрируя, что никакой обиды на самом деле и нет, с легким звоном задел бокал сотрапезника и выжидающе замолчал, принимаясь за манящий, покрытый блестящей светло-коричневой с пузырьками масла корочкой пухлый кусок говядины.

– История длинная, так что наберись терпения.

– Подожди-ка, – Николай Николаевич шаг за шагом вникал в новую для себя ситуацию, – а ваш с отцом дом на Сходне?

– Продан, Николаша, продан, – ловко орудуя ножом и вилкой, Сергей Петрович словно не замечал волнения приятеля.

– Как? Там же библиотека, мебель старинная, это все где?

– В Чехии, Коля, в городе Теплице. Если забыл, это бывшая Судетская область, там раньше немцы жили, дома там старинные, прочные, с подвалами. Городишко маленький, но уютный. До немецкой границы рукой подать, на велосипеде можно доехать. Грибов, говорят, море. Эти европейские козлы в благородных грибах ведь ни хера не понимают, жрут какие-то мухоморы. Французы, те хоть лисички жареные едят, я сам в «Клозери де лила» заказывал, с бифштексом а-ля Хемингуэй. Так что не бойсь, Коля, с закуской проблем не будет. Обязательно приглашу вас с Ириной в гости. Когда осяду, мебель расставлю, книжки по полкам разложу.

– Что такое ты говоришь, Сережа, какое к едреной матери Теплице! Ты же никогда не хотел уезжать. Помнишь, что ты по поводу Николя говорил? Что произошло?

– Я тебе очень хочу все рассказать, а ты задаешь мне несущественные вопросы – дом, библиотека, мебель. Да и по поводу Николя я говорил, что останешься ты здесь один на старости лет и лучше тебе перебираться в Штаты, а не строить из себя патриота. Старики должны жить вместе с внуками, раз уж они есть, неважно, русские, американские, да хоть таитянские. А у тебя вон какие – беленькие, крепенькие, что твои боровики. Разве я не прав?

Мысль о грибах не просто так не давала покоя Сергею Петровичу. Он забыл посмотреть в меню, есть ли там грибной суп, но, впрочем, тут же поправил себя: последний раз классный грибной суп он ел не в этом заведении, а совсем недалеко отсюда, в итальянской траттории по дороге к метро «Профсоюзная». Вот и перепутал. И ругнулся молча, затеял серьезный, может быть, главный разговор в жизни, а в голову то жратва лезет, то бабы.

– Ничего себе несущественные вопросы, дом по нынешним временам пару лимонов стоит, – Николай Николаевич всегда отличался тем, что вычленял из услышанного что-нибудь одно, с его точки зрения, самое важное, – баксов!

– Да успокойся, больше он стоит. Риелтор из тебя, конечно, аховый. Займи пасть мясом и слушай, – Сергей Петрович улыбался, прекрасно зная своего приятеля и понимая, что на самом деле тот только сейчас уразумел, что остается один. Как ни крути, ближе Сергея Петровича человека у него не было. Сказать это вслух Николай Николаевич никогда бы не смог – не по-мужски это, неписанные кодексы далекой юности он чтит свято. Кодексы это или комплексы – дело десятое...

Человек в кабинете с дубовыми панелями – тот самый, похожий на знаменитого Поскребышева, бритый наголо, коренастый, будто вытесанный умелым вологодским топором из одного столетнего ствола, – беспокойно задвигался в кресле, словно хотел еще глубже вдавить в поролоновое сиденье свою квадратную задницу. Подаренное природой, развитое и отто-

ченное за годы службы в «Центре» верхнее чутье подсказывало руководителю операции, что выверенный до сантиметра и просчитанный до грамма сюжет начинает меняться. Так некоторые млекопитающие, многие мелкие животные и птицы по еле уловимым, доступным только их природным инстинктам признакам снимаются с мест за считанные часы перед землетрясением или извержением вулкана. Почва в старом, заросшем лопухами и колючкой овраге сдвинулась чуть-чуть, на пару миллиметров, или глубоко под землей надулся и лопнул, как детский воздушный шарик, пахнущий серой газовой пузырь. И поминай грызунов и воробьиных как звали, только их и видели. Человек же со всеми его хитроумными приборами, датчиками, зондами, беспилотниками и спутниками бессилен даже перед обычным оползнем или ураганом. Вот поэтому в «Центр» подбирали только тех, кто с чутьем, и, надо сказать, ошибались крайне редко.

Руководитель нажал кнопку вызова секретаря, двойные дубовые двери открылись мгновенно – можно подумать, что женщина средних лет, с бесцветным, без признаков косметики, словно стертым лицом и пучком пегих волос на затылке стояла за ними с занесенной для первого шага левой ногой. В отличие от мужчин женщинам в «Центре» запрещалось носить яркую одежду: только серые юбки, белые кофточки и темные жакетки. Правило, естественно, не распространялось на спецзадания за пределами «Центра». Фасон официальной дамской одежды, или, как теперь говорят, дресс-код, достался «Центру», видимо, от знаменитой Фурцевой. Действительно, если приглядеться внимательно, секретарша чем-то напоминала знаменитого и многолетнего министра культуры Советского Союза. Шавки печатной и электронной прессы, обсосавшие все косточки давно уже покойной Екатерины Алексеевны, как им и свойственно, прошли мимо главного. В страшном октябре 41-го молоденькая и весьма симпатичная Катя Фурцева по заданию Ставки несколько решающих дней провела в московском подполье с немецким аусвайсом в кармане засаленного ватника, «Вальтером» в солдатском сапоге и пачкой оккупационных марок за пазухой. Такое не забывается. В «Центре», надо сказать, подобные вещи отлично помнили. Знали, откуда что растет.

Диалог в кабинете с антикварными ныне дубовыми панелями можно было смело переносить на сцену какого-нибудь московского театра. Образованщина любит художественные поделки из жизни позднего СССР. Поскребышев и Фурцева – тени забытых предков, нарочно не придумаешь. Хотя в «Центре» и не такие видели. Нет-нет, не стоит думать, что там умеют оживлять мертвых. Скорее наоборот.

«Центр» – если кто интересуется, то пусть зарубит себе на носу – политикой не занимается. Он занимается только деньгами. Желательно большими, а еще лучше – очень большими деньгами. «Ну, а девушки, а девушки потом», – как поется в известной песне. И тишина. Серьезные деньги только ее, родимую, и любят, так способнее в уме циферки складывать.

– Резервная бригада наружников на месте? – голос у двойника Поскребышева был приятный, как пишут в романах, «бархатный», с легкой хрипотцой от любимых «Мальборо».

– Так точно, Степан Николаевич, Бибиков и Высоцкая.

– Пусть перекусят.

– Есть, Степан Николаевич.

– Ознакомьте их с фотографиями Коновалова Сергея Петровича и этого, – начальник замялся, будто ему неприятно было произносить фамилию, – Смирнова Николая Николаевича. Строго взглянув на секретаршу, Степан Николаевич вынул из ящика письменного стола конверт (в ходе операции все необходимое должно быть под рукой), заглянул внутрь, убедился, что конверт содержит восемь цветных фотографий, и протянул его секретарше, – фотографии из виду не выпускайте и сразу же верните мне.

– Слушаюсь.

– При этом ничего не поясняйте. Просто дайте запомнить лица. Понятно?

– Так точно, – секретарша только что каблуками не щелкнула, но до такого в «Центре» никогда не доходило. Это только в кино разные там адъютанты их превосходительств изображают для простонародья образцово-показательный царский режим.

– Это все, выполняйте.

Дверь беззвучно закрылась...

Николай Николаевич с удовольствием жевал розовую, исходящую соком говядину. Ждать ему пришлось недолго, Сергей Петрович не стал рассусоливать и ходить вокруг да около.

– Видишь ли, Коля, я, оказывается, вовсе и не Коновалов, – со значением произнес Сергей Петрович.

– Так я и знал, ты – Максим Максимович Штирлиц, полковник ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ-ФСК-ФСБ, – хохотнул Николай Николаевич, обнаруживая неплохое знание истории отечественных спецслужб, – по совместительству оберштурмбаннфюрер СС на пенсии. Здорово же ты законспирировался, за полвека сознательной жизни никто не расколол.

Неинтеллигентная смесь пива и красного сухого вина, хочешь не хочешь, оказывала свое разрушительное действие. Сергей Петрович подозрительно посмотрел на приятеля – нет, это он так шутит, не развезло. Но пить больше давать ему не стоит. Кофе и минералка. А еще лучше – крепкий чай.

– Я не шучу, Коля. Это очень серьезно.

– Хорошо, только не волнуйся, я все понял, ты не Коновалов. Тогда кто? – Николай Николаевич с трудом сдержался, чтобы не добавить что-нибудь вроде: «Может, ты граф Монте-Кристо?», но, увидев расширенные стеклами очков серьезные карие глаза друга, воздержался.

– Фамилия, получается, очень простая – Попов. Такими вещами не шутят, и отец, как ты понимаешь, тоже не шутил. Так что это очень много для меня значит. Очень много.

– При чем здесь отец? Его уже давно нет, что ты городишь? – Николай Николаевич потихоньку втягивался в казавшийся бредовым разговор.

– Я получил от него письмо.

Ошарашенный Николай Николаевич перестал жевать. Действительно, будь на его месте посторонний человек, немедленно бы набрал на мобильнике известный бесплатный номер и позвал на помощь обслуживающий персонал с веревками, а лучше с наручниками, теперь в Москве у барменов все что хочешь найти можно. Санитарка, звать Тамарка, вот уже тут как тут.

Николаю Николаевичу совсем не к месту припомнился первый в его жизни порнографический журнал, неведомо как попавший в руки как раз в пору бурного полового созревания, в восьмом классе. Там разбитные западные санитарки со скорой помощи выделяли с солидным пациентом совершенно замечательные упражнения. Николай Николаевич навсегда запомнил разноцветную вражескую печатную продукцию, вот только повторить соблазнительные упражнения с отечественным человеческим материалом так и не удалось. После нескольких напрасных попыток затею по внедрению передового сексуального опыта стран развитого капитализма на родных просторах пришлось оставить. Юный и вихрастый тогда школяр Никола сделал важный вывод – русский народ в массе своей совсем даже не тяготеет к коллективизму и соборности, скорее наоборот. Последующий жизненный опыт на каждом шагу, год за годом подтверждал этот ненаучный вывод начинающего бабника.

– Ты прав, Коля, отец умер много лет назад, точнее, в девяносто пятом. Мне передал письмо сын его фронтового товарища, тоже покойного. Случайно обнаружил около года назад, что-то искал среди старых бумаг и наткнулся. Слава Богу, не выбросил. Мы и знакомы-то мельком, виделись пару раз в детстве. Молодец мужик, не поленился, нашел меня.

– Письмо у тебя с собой? – Николай Николаевич – если кто-то подумал, то зря – долбаком отнюдь не был, соображал хорошо, даже под легким, как сейчас, кайфом.

– Оригинал и нотариально заверенные копии уже там, за кордоном, в банковском сейфе. Письмо довольно длинное. Я тебе все, что нужно своими словами перескажу.

Сергей Петрович приготовился рассказывать, но видно и сейчас, месяцы спустя после своих неожиданных открытий, все еще волновался. Налил в бокал немного вина, отпил глоток, откинулся на высокую спинку деревянного стула, полузакрыв глаза, словно выбирая, с какого места начать.

Николай Николаевич смутно помнил Петра Ивановича Коновалова, да и видел его всего-то один-единственный раз. Правда, этот вечер, беспокойную ночь и утренний разговор со своим собственным отцом запомнил на всю жизнь. И еще – именно с этого дня началась их дружба с Сергеем Петровичем.

Дело было так. Петр Иванович Коновалов незадолго до этого оставил по состоянию здоровья служебное поприще – пост заместителя председателя облпотребсоюза – и кроме заслуженных проводов с неизменными речами, подарков и «Веселых ребят» на грудь – ордена «Знак Почета», в награду за многолетние труды добился для сына должности директора кооперативного магазина в подмосковном поселке Сходня, где, кстати, они и проживали вдвоем в собственном доме. Так уж совпало, что в эти же дни наш Николай Николаевич был назначен в подотдел Госплана РСФСР, курировавший среди прочего и всю кооперацию. Как по заказу, через пару-тройку недель подоспел красный день календаря для трудящихся земного шара – Первомай, и Николай Николаевич принял приглашение кооператоров почтить их праздничный банкет своим высоким присутствием. Организация банкета была поручена отцу и сыну Коноваловым, благо в трехстах метрах от их дома, в сотне метров от магазина и рядом со станцией Сходня Октябрьской железной дороги располагался безымянный, но вполне себе комфортабельный двухэтажный кирпичный ресторанчик.

Все складывалось замечательно, однако Николай Николаевич чуть было не испортил вечер и мог сильно осложнить себе жизнь и подвести отца, немалым трудом и чувствительными услугами добившегося для сына вождя хлебного кресла. Выручили Коноваловы – старший и младший. Незаметно для загулявших кооператоров обоего пола, отплясывавших зажигательного «Казачка» и бурно совокуплявшихся в туалетах, они отвели ослабевшего Николая Николаевича к себе домой. Вспоминая ту ночь, полное вонючей гадости помойное ведро на террасе коноваловского дома, свой липкий лоб и выпученные, слезящиеся глаза, сильную руку Петра Ивановича на плече и заваренный им с какими-то травами пахучий чай, Николай Николаевич и сегодня покрывался холодным потом. Утром появился разбуженный телефонным звонком отец отвез отпрыска на дачу, на свежий воздух. Наказал протрезвевшему сыну: «Ты этих Коноваловых держи поближе, самые ценные люди те, кто язык за зубами держать умеют».

Многолетний совминовский столоничник Николай Николаевич Смирнов стоит того, чтобы на нем остановиться поподробнее. Да нет, как индивидуум он никому по большому счету не интересен. А вот как социальный тип – весьма примечателен. С годами, уже пообмявшись в общении с сильными мира сего, Сергей Петрович постепенно перестал испытывать необъяснимое чувство собственной не то чтобы неполноценности, а какой-то непонятной робости, возникавшее всякий раз при общении с этим чиновником неопределенного возраста и невыразительной внешности. Казалось бы, мужичок как мужичок, ан нет, так и хотелось вытянуться в струнку и взять под козырек. И это несмотря на то, что никто из присутствующих не носил военной формы. И что интересно, заметил Сергей Петрович, в струнку тянулся не он один –

и решил про себя приглядываться и принохиваться, чтобы объяснить занимательный феномен.

Главную загадку, признавался себе впоследствии Сергей Петрович, откуда берутся, вернее, рекрутируются такие людишки во власть, как их распознают и тащат наверх, он так и не разгадал. Будучи человеком современных взглядов, в масонские заговоры и мировую закулису он не верил, хотя и прочитал множество книжек на эту тему. Но очень важное свойство, объединяющее Николай Николаевичей всех времен и народов, Сергей Петрович подметил. Все эти люди, независимо от того, какой общественно-политический строй стоял на российском дворе, были твердо уверены в своем праве руководить и направлять, давать и отбирать, казнить и миловать. Эта уверенность проявлялась во всем: взгляде, походке, жестах – и практически не зависела от умственных способностей, образования и воспитания носителя власти. Будто они с ней так и родились. Апломб ли прилагался к совершенно сногшибательной карьере, скажем, из совхозных бригадиров в вице-премьеры или карьера к апломбу, не суть важно.

У молодых, не умудренных еще жизненным опытом людей часто спонтанно возникает желание борьбы – неважно с кем и за что, главное, против господствующего в окружающем мире направления. Не избежал по молодости такого ниспровергательного душевного подъема и Сергей Петрович. К счастью, у него хватило ума поделиться некоторыми мыслями с родителем. Петр Иванович вполне согласился с сыном: в голодной колхозной молодости и кровавой фронтовой жесточи он видал гнид всех сортов и размеров, в погонах и без. Вернувшись живым из мясорубки Отечественной войны, посчитал это за чудо и решил, что, раз уж господь Бог его почему-то отметил, следует зайти окружающей мерзости с тыла. Ну нет сил на открытую схватку, что тут поделаешь! Есть зато другая сила, даже нет, всемогущество его величества денежного мешка. Любого из этих хозяев жизни, утвердился в своей правоте Петр Иванович, поварившись несколько лет в кооперации, можно купить. Вопрос цены, и только.

Это сокровенное знание, не Бог весть какое новое и мудрое, Петр Иванович и постарался вместе с профессией передать сыну. Но не только. Что интересно, некоторые отцовские уроки понял Сергей Петрович, только сам перейдя сорокалетний рубеж. Чтобы утюг работал, его надо включить в розетку. Так и тут – без накопленной энергии не рождается никакая мысль. Время пришло при Мишке-меченом. «Куй железо, пока Горбачев», – мощным эхом понеслось по просторам одной седьмой части света, от Калининграда до Камчатки и от Норильска до Кушки. Друзьям повезло, что папаша Николая Николаевича был еще при делах. Отломилось им, надо сказать, по-крупному.

Николай Николаевич, понятно, не нуждался в дополнительных фишках, за него играли отцовские и женины мозги, папино и собственное кресла, так что он мог продолжать держать руки в карманах, весело посвистывать и, когда требуется, важно надувать щеки. Сергей же Петрович понимал, что одной наличностью в новых условиях дружбу вряд ли удастся укрепить и для того, чтобы взяли в долю, следует придумать нечто существенное. В эти новые времена партийные боссы забегали, соревнуясь, кто больше напечатает кооперативов и совместок, а Смирнов-старший сумел втиснуться в специальную комиссию при первом заместителе Председателя Совмина СССР. Сергей Петрович понял – вот он, единственный и неповторимый шанс. Помогли старые знакомые – финские поставщики и то, что зашаталась валютно-чековая система «Березок». Товар на Западе всегда девать некуда, а тут завис сбыт целой страны. Финнам грозила труба по полной программе, они шли на все, лишь бы выпихнуть разорявшие их стоки со складов. Сергей Петрович быстренько зарегистрировал, с благословения папаши Смирнова и согласно новой моде, совместное предприятие, благо кооперативная сбытовая сеть была, что называется, под рукой. СП давало еще и некий статус, вроде многократных виз в базовые капстраны и мелких понтов в виде желтых номеров на служебном авто. Золотое время!

Папаша Николай Николаевич наградил Сергея Петровича за сто процентов прибыли широкой улыбкой и охотно пригласил в соучредители своего банка.

В последние пару-тройку лет, когда у Сергея Петровича появилась масса свободного времени, оказалось, что его хочется тратить совсем не на то, о чем мечталось во время интенсивных упражнений на ниве бизнеса. Странное дело: никуда не тянуло ехать, лень было поднять задницу и даже набрать телефонный номер, чтобы, скажем, смотаться весной, в конце апреля, на недельку-другую в полюбившийся за годы жизни без большевиков Париж. На письменном столе и на старинной конторке лежали намеченные когда-то к обязательному прочтению книги. Диски с новинками кино валялись нераспечатанными. Сергей Петрович даже изменил давным-давно заведенному еще отцом обычаю самим все делать по дому – готовить еду, пылесосить, мыть полы и окна, обихаживать участок – словом, все, кроме большой стирки. Не торгуясь, он нанял приходящую женщину и свалил все домашние хлопоты на нее. Кроме магазинов и еды, конечно.

Задай вопрос хорошо его знающий человек, хотя таких и не существовало, разве что Николай Николаевич, что же он делает целыми днями, а главное, вечерами, Сергей Петрович, наверное, ответил бы: «Думаю».

На самом деле, он вспоминал их с отцом жизнь, шаг за шагом возвращаясь, как ни крути, к тому самому первомайскому вечеру. Это не было самоедством, Сергей Петрович не испытывал душевных терзаний, не было в его жизни позорных страниц, за которые можно и нужно краснеть и казнить себя. Хождение на грани закона естественно для русского человека, так уж устроено наше отечество, что оно вечно заставляет гражданина играть с ним то в игру «А ну-ка отними!», то «А ну-ка догони!». Сергей Петрович хорошо помнил уроки отца, он и жизнь-то прожил по этим заповедям, но вот как он сам бы стал сегодня воспитывать своего собственного сына, не знал. Об этом и думал вечерами. И еще, признавался себе, очень не хватало ему живой души в доме. Нанятая тетка не в счет, он даже ее имя помнил нетвердо...

Наблюдательная Тамара заметила перелом в настроении клиентов и отреагировала по-своему. Как бы глубоко ни запрятали обстоятельства базовые женские инстинкты, нет-нет, а они время от времени обнаруживались, вылезали из-под наносных слоев, вот и сейчас непонятно почему официантке стало жаль этих немолодых одиноких папиков, пусть при деньгах и качественно упакованных, но, уж это она точно знала, потерявших ту зрелую мужскую силу, что придает человеку устойчивость в жизни, а в иные моменты и необъяснимый победительный кураж. Одно другому не мешает, можно и приголубить старичков, наверняка им известно, что ценит настоящая женщина. Правда, в данный момент она могла предложить осоловевшим, казалось, мужикам разве что кофе или чай. Что Тамара и сделала.

– К чаю, если угодно, можно подать пахлаву, изюм и курагу.

– Отлично, конечно, чай, – радостно откликнулся Николай Николаевич, – и хорошо бы, Тamarочка, в чайнике и, естественно, со сладостями. Сахар нам нынче заказан, – Николай Николаевич широко улыбнулся официантке, словно извиняясь за отсутствие адекватной реакции со стороны приятеля.

Тамара, надо отдать ей должное, умела настраиваться на чужую, клиентскую волну. За это и получала на зависть другим приезжим девахам-официанткам щедрые чаевые. Вот и сейчас она отчего-то взгрустнула, пожалела себя: еще год-два – и придется навсегда застрять в заведениях вроде этого «Двоеточия». Мечталось-то совсем о другом! Сразу как вырвалась в Москву из обшарпанной комнаты в коммуналке с пьющей матерью и лезущим под юбку отчимом, потом из техникумовской общаги с тараканами, пустыми бутылками и использованными гондонами по всем углам. И с вечно поддатými или обкуреными кавалерами, цена им этот самый

гондон. Все бы отдала, чтобы попасть на подольше в широкую кровать с одним из этих мужичков, хоть сколько-нибудь побыть в холе и неге.

Нельзя упускать такой шанс. Эти двое, может быть, последние мамонты, и других уже не будет. Никогда! Если бы можно было, она с этого лысенького прямо здесь, за столом штаны бы спустила. Тут опять Тамару между ног что-то пробило, будто спазм какой-то. Это она представила себе, с чего начала бы улаживать лысенького. Талантливая женщина эта Тамара, помогай ей Господь.

– Ты не обижайся, Коля, – Сергей Петрович взял себя в руки, вернулся из далеких теперь дней в весеннее сегодня, в кафе, за обжитый стол, собрался с мыслями, – от тебя секретов нет. Просто отец ведь не советский писатель. Он всего-то после войны закончил заочный техникум. Писал как умел, по всему видно не один день, колебался, снова решался, там то пером с чернилами писано, то авторучкой. Страх, Коля, в нем сидел, уже не за себя – за меня страх. Свой-то он, видно, за три года в окопах преодолел. Однако историю нашей богоспасаемой родины он знал не хуже иного заслуженного профессора, книги ему букинисты из Москвы прямо на дом привозили. К тому же пережитое на собственной шкуре редко забывается. «Сын за отца не отвечает». Как бы не так!

Сергей Петрович замолчал, отвел глаза, рука машинально потянулась к пустому бокалу, словно сам когда-то пережил страшные ноябрьские морозные дни под Москвой, стуча зубами в неглубоких ополченских окопах от холода и бессильной ненависти необученных гражданских очкариков с трехлинейками, обреченных на смерть от изрыгающих огонь танков, пушек и шмайсеров.

Расторопная Тамара, умница, убрала грязную посуду, подала большой расписной чайник, расставила чашки и блюдечки с пахлавой и сухофруктами.

– Замечательно, Тамара, просто замечательно, – с чувством, как бы за двоих поблагодарил официантку Николай Николаевич, – и, в очередной раз проводив взглядом вожденную ядреную задницу, подчеркнуто участливо, как больного, попросил друга, – я тебя внимательно слушаю, Сережа.

– Если коротко, Коля, отец получил повестку в октябре сорок первого. Как ни бедно жили, но на стол дед с бабкой собрали. Наутро, перед отправкой, дед и признался отцу, что он вовсе не их сын, что настоящая его фамилия Попов, а у них, бездетных крестьян подмосковной деревни Дьяково, он оказался новорожденным, привезли издалека в бельевой корзинке в январе восемнадцатого года, крестили его уже приемные родители, – Сергей Петрович достал из-под рубашки старинный медный крестик на потемневшей от времени цепочке, – надеюсь, ты понимаешь, что за этим могло стоять?

– Неважно, что я понимаю, важно, что написал твой отец. И я не хуже тебя знаю, что происходило в России в 1918 году. Что-что, а школьные уроки в маленького Кольку вбивали по самое не балуйся, навсегда.

Вообще-то друзья «за политику» никогда не говорили, так уж у них было принято. Известно, как объяснял отпрыску опасность подобных разговоров чиновный Смирнов-старший. Оба новоявленных капиталиста, отец и сын, между прочим, не афишируя, продолжали платить членские взносы продолжателям дела Владимира Ильича. «Эх вы, наследники дурачка Шмидта и самоубийцы Саввы Морозова», – усмехался про себя Сергей Петрович. Ему, беспартийному, сумевшему не единожды ловко уклониться от вступления в комсомол, с малолетства была внушена пословица «Нашел – молчи, потерял – молчи, украл – молчи», со временем превратившаяся в жизненное кредо. Но вот сегодня, слово за слово, пришлось высказаться.

– Страна без цели развития, без идеи существовать не может. Это еще Федор Михайлович Достоевский написал, да и до него хорошо понимали. Как ни крути, русскую тягу к справедливости баблом не заменишь. Тем более что на всех и не хватит. Поэтому и разбегаются

наши сограждане целыми толпами, где теперь только их не встретишь. Ладно, это отдельная тема, вернемся к отцу. В общем, в письме он постарался объяснить мне, почему молчал столько лет, почему не женился второй раз после смерти мамы, почему не смог просто сесть со мной, уже взрослым, с бутылкой на кухне и все это мне рассказать, а придумал такой способ. Много писал о своем фронтовом товарище, как тот спас ему жизнь, писал, что я могу всегда рассчитывать на его поддержку...

– Так, минуточку, – Николай Николаевич пытался уцепиться за какой-нибудь бесспорный факт в рассказе Сергея Петровича, из которого можно было бы извлечь практическую пользу и, оттолкнувшись от него, как веслом отталкивают лодку от берега, плыть дальше, – прежде всего надо поехать в это самое Дьяково. Хоть завтра, кто-то же там остался, это же Подмосковье, не Сибирь все-таки...

В «Центре» вышколенная секретарша доложила о выполнении поручения по телефону внутренней связи и получила приглашение зайти в кабинет. Шеф не преминул заглянуть в возвращенный конверт с фотографиями, спрятал его в тот же ящик стола и озвучил новое задание.

– Разыщите Манану Георгиевну Надирадзе, надеюсь, Вы помните, кто это. Попросите ее, именно попросите от моего имени не брать сегодня сложных частных заказов. Если есть договоренности, пусть отменит. Упущенную выгоду мы возместим. Одним словом, ей не следует переутомляться. Полагаю, она может понадобиться нам довольно скоро. Узнайте, где она находится, прикиньте по времени, когда за ней послать автомобиль. Это все, свободны.

Двойные двери за секретаршей закрылись бесшумно, как всегда.

– Да, интересный экземпляр этот Сергей Петрович Коновалов, – пропел вполголоса Степан Николаевич, освободился от миниатюрного наушника, переключил аппаратуру на громкую связь, поднялся, вышел из-за стола, прошел в угол кабинета, повернулся, развел руки в стороны, сделал несколько энергичных приседаний и почувствовал, что проголодался, – а насчет Попова любопытно будет послушать...

– Ты хотя бы узнал, где это самое Дьяково? – после говядины и чая энергия снова прямо-таки клекотала в Николае Николаевиче.

– Ты множество раз сам был в пяти километрах от него, – Сергей Петрович короткой фразой, как апперкотом, отправил приятеля в нокдаун.

– Это как? – только и смог ответить Николай Николаевич.

– Полагаю, что за тобой был закреплен постоянный номер в доме отдыха Госплана СССР в Вороново.

– Ну конечно, апартаменты. Чудесное место, – оживился Николай Николаевич, тут он мог, что называется, блеснуть отличной памятью. – Старинная усадьба небезызвестного графа Ростопчина. Того самого, что Москву сжег в двенадцатом году. И собственную усадьбу, кстати, тоже, чтобы корсиканскому чудовищу не досталась. Знаменитый маршал Мюрат там ночевал. Главный дом и церковь строил, кажется, Бланк. До сих пор местные говорят, что под всеми постройками есть целая система подземных ходов. В них, дескать, граф спрятал от французов драгоценные скульптуры. Кстати, первыми владельцами Воронова были потомки Волинского-Боброка, героя битвы на Куликовом поле. Последних владельцев, Сабуровых, как водится, перестреляли и переморили в лагерях.

– Молодец, пятерка. Так вот, Дьяково совсем рядом. Свитино, Юрьевка и потом Дьяково. В сторону окружной железной дороги. Только теперь Дьякова нет. Отец вернулся после победы и застал одни головешки. Надо было как-то жить. Пошел в военкомат, куда же еще, военком, сам без руки, увидел его боевые награды и нашивки за ранения, устроил замом к знакомому директору в магазин на Сходне. Так отец и попал в кооперацию. Осел на Сходне, женился. Любовь его дождалась, довоенная, тоже, кстати, дьяковская. Он ее в Юрьевке нашел, голодную,

оборванную, в опорках. Потому-то, должно быть, мама так мало и прожила, все оставшиеся силы ушли, чтобы меня выносить и родить.

– Сережа, даже в нашей стране при всех перипетиях люди не пропадают бесследно, – Николай Николаевич, как большой начальник, пусть и в прошлом, справедливо полагал, что в правильно устроенном государстве всегда можно найти человека, ответственного за любую конкретную вещь, будь то пустая коробка, валяющаяся на обочине дороги, или букашка, случайно залетевшая в окно автомобиля, – а уж тем более люди с именами, фамилиями, местом жительства, паспортами и пропиской. Что, не было у крестьян паспортов? Правильно, до шестидесятых годов двадцатого века не было. Зато были разного рода анкеты, справки, разнарядки и, представь себе, доносы. И бухгалтерия, кстати.

– Успокойся, Коля, давай я тебе чаю налью, – Сергей Петрович мысленно отругал себя последними словами за забывчивость. С Николаем Николаевичем не следовало разговаривать загадками, их за него с детства решали совсем другие люди, а человеку такого круга и воспитания оставалось только поставить свою подпись или недовольно топнуть ножкой, – я все тебе сейчас расскажу. Ты прав, у меня единственная надежда на то, что люди без следа, с концами не пропадают. Хотя, по правде говоря, до сих пор десятки тысяч солдат числятся без вести пропавшими, а у них уже правнуки рождаются.

На самом деле, оттягивая продолжение рассказа, Сергей Петрович все еще раздумывал, что следует говорить Николаю Николаевичу, а от чего следует воздержаться. Известно, что детям до определенного возраста не дают спичек. И правильно делают.

Конечно же, Сергей Петрович в ближайшую субботу после получения отцовского письма оделся потеплее, все-таки стоял конец февраля, и поехал в Дьяково. В начале двадцать первого века это оказалось несложно даже в такой запущенной стране, как Россия. От станции метро «Теплый стан» до Вороново регулярно курсировали рейсовый автобус и вполне комфортабельная маршрутка. В самом Вороново, у конечной остановки, на площади, дежурили две машины с шашечками на крыше – потрепанная вместительная «японка» и «Жигули» классической модели. Сергей Петрович выбрал «японку» и не ошибся. За рулем сидел плечистый мужик лет сорока с небольшим, с татуировкой на широкой кисти правой руки, указывавшей на принадлежность водителя к «войскам дяди Васи». Местный, из Вороново. Такие умеют дружить и много чего знают.

Бывший десантник Витя подтвердил, действительно, в июле 1941 года, сразу после начала войны, в здании Дьяковской школы-восьмилетки расположился госпиталь. Местные, те, кто не ушел на фронт, так или иначе что-то в нем делали или крутились около ради лишнего приварка: с началом войны в деревне стало совсем голодно. В ноябре или в декабре сорок первого, таксист Витя точно не знал, в Дьяково заскочила немецкая разведка. Всех, кто был в госпитале, без разбору, перестреляли, включая раненых, медсестер и старух с вениками и ночными горшками. Потом полили двухэтажное здание из огнемета, избы рядом тоже сожгли. Дьяково осталось без мужиков и без школы и совсем обезлюдело, в конце пятидесятых его и вовсе добились, объявив политику «укрупнения колхозов и совхозов». Эту очередную волшебную палочку коммунистов, как, скажем, торфяные горшочки, кукурузу или химизацию, Сергей Петрович помнил, он рано начал читать газеты. Что же, получается, можно больше никуда и не ездить.

– И что там теперь?

– Поле, траву косят на силос. До того сажали кукурузу или горох, уже годов пять как перестали. Рано или поздно все равно продадут землю под коттеджи. Асфальт, электричество, рядом железная дорога. Вопрос времени. Вот только как с памятником будет...

– Там памятник есть?

– Давно уже стоит.

– Поехали, – заторопился Сергей Петрович.

Остановились на краешке узкой, только-только разъехаться двум автомобилям, асфальтовой ленты. Витя побоялся застрять на поле. Снег под ярким зимним солнцем слепил глаза, показалось, что идет от дороги какая-то тропка, вроде бы охотники положили здесь в начале февраля пару матерых волков из стаи, окружившей лося, и накатали колею снегоходами. Шофер предложил подождать пассажира, а когда Сергей Петрович отказался и сунул ему первую попавшуюся купюру, аккуратно отсчитал сдачу и вручил ярко-желтую визитную карточку.

– Понадоблюсь – отбейте по мобиле, подскочу.

Стараясь не проваливаться в снег, ступая медленно и осторожно, как по минному полю, Сергей Петрович преодолел эти пятьсот метров до приметной купы деревьев посреди чуть выпуклого, как девичий живот, поля. Металлическая ограда с калиткой, скамейка под снежным одеялом, несколько засохших венков и стандартный памятник, крашенный серебрянкой. Бородатый мужчина в полушубке и с автоматом за плечом одной рукой держит трюх, другой обнимает за плечи склонившую печально голову дочь или внучку. Таких памятников на Руси не счесть. Вон, когда проезжали Юрьевку, у полуразрушенной то ли немцами, то ли большевиками церкви из-за голых деревьев проглянули покосившееся кресты погоста – там тоже, наверное, стоит обелиск павшим односельчанам.

Сотни лет подряд, – подумал Сергей Петрович, – пахали мои предки эти суглинки, холили их, как холят невесту, и в урочные сроки кормила их земля. Может, и не так уж сытно, но кормила. Да еще в окрестных лесах, на невеликих озерах, небось, и сейчас водится дикая снесь: лоси, кабаны, зайцы, птица боровая и водоплавающая, рыбка плещет. Витя говорил, тут грибов полно. Жили люди, молились Богу и растили детей. Насколько еще нас хватит – приходиться на это поле 9 мая с венками и букетами первых тюльпанов и нарциссов? Скорее всего, сами же хозяева будущих коттеджей снесут памятник за ненадобностью. Вон во дворах в Юрьевке навороченные джипы стоят, на столбах кирпичных заборов видеорекамеры, поселок рядом, Витя сказал, газпромовский, а на церковь рубля, небось, никто не даст. «Китайцы придут, починят, – усмехнулся про себя Сергей Петрович, – они историю уважают. Им только скажи, что рядом с этой Юрьевкой в 1812 году в своем имении фельдмаршал Кутузов ночевал, толпы набегут».

И тут только его ударила, как иглой в сердце, догадка: получается, в этой самой порушенной церкви в Юрьевке, тогда, в самом начале кромешного восемнадцатого года, отца и крестили. И приемных деда и бабу, вырастивших отца и убитых фашистами там же, наверное, через двадцать с небольшим лет и отпели. Перед тем, как в братскую могилу опустить. Надо, стало быть, туда путь держать, в Юрьевку, на деревенский погост, старожилов расспросить. Должен же кто-нибудь что-то помнить, хотя и то сказать, после победы почти семьдесят лет минуло. Сергей Петрович смахнул снег с краешка скамейки, присел, сунул на всякий случай под язык таблетку бесполезного, как известно, валидола, вытер платком заслезившиеся глаза.

Здесь, на занесенном снегом поле с одинокими, как сироты, очоленевшими березками вокруг простенького памятника, новенькими бетонными столбами линии электропередачи, шагающими вдоль кромки леса, с доносящимися от близкого железнодорожного переезда протяжными сигналами и перестуком тяжелых товарняков Сергей Петрович понял, что все написанное в отцовском письме правда и его долг и дело всей оставшейся жизни – узнать, кто и почему принес в снежном январе 1918 года в несуществующую теперь подмосковную деревеньку Дьяково корзинку с новорожденным мальчиком, ставшим потом, после страшной войны, его, Сергея Петровича Попова, отцом.

Впечатлительному Николаю Николаевичу Сергей Петрович изложил историю своей поездки в Вороново лаконично, в двух словах. Имуущество он приятелю мог доверить легко, не задумываясь, но вот с душой дело обстояло сложнее. А произошло еще вот что.

Сергей Петрович дососал валидол, прикрыл за собой калитку, снял шапку, поклонился памятнику в пояс, трижды перекрестился и, не торопясь, утаптывая собственные следы, добрался до кромки асфальта. Тяжело перевел дух, огляделся, фиксируя в памяти это место и уже начинающий угасать колючий от снежной крупы и порывов ветра короткий февральский день. Слева виднелся дорожный знак железнодорожного переезда, уходящий перед ним направо асфальт, видимо, вел в большой, судя по обилию крыш и немногим печным дымам, старый садоводческий кооператив. Обратная дорога сначала пряталась в увале, потом, перебравшись через неширокую речку, вела на Юрьевку и дальше, на Вороново. Название речки он запомнил, еще когда разглядывал карту – Моча, с ударением на «о». Надо уточнить, славянское это название или угро-финское. Интересно все-таки. Тем более что и имя знаменитого победителя Наполеона тоже так называлось.

Рядом с ним неожиданно и бесшумно остановился маленький автомобиль – светло-коричневая корейская микролитражка. Женщина-водитель, протянув от руля правую руку, распахнула переднюю дверь.

– Вам плохо? – на вид женщине было около сорока, она внимательно смотрела на Сергея Петровича сквозь стекла очков в модной прямоугольной оправе.

– Мне надо в Юрьевку, – не отвечая на вопрос, с трудом разлепив замерзшие губы, произнес Сергей Петрович.

– Садитесь, – пригласила женщина, перекладывая с переднего сиденья автомобильчика на заднее дамскую сумку и прозрачную папку с бумагами, – я к маме ездила, отвозила ей продукты. Она у меня всю зиму здесь на даче живет. А теперь я обратно в Москву еду.

– Если не возражаете, и я с вами, – неожиданно для себя попросился в попутчики Сергей Петрович.

Потом, уже под утро, когда все наконец получилось как надо, лежа без сна с первой за десять лет сигаретой рядом с неожиданно связавшей прошлое, настоящее и будущее маленькой женщиной, Сергей Петрович понял, как ему на самом деле повезло, потому что не может человек в такой день оставаться один на один с непосильной ношей, просто не выдержит сердце, вот и все. А ему столько еще предстоит сделать, и курить, кстати, больше не надо, потому что нужны силы и запас лет, чтобы родить и поставить на ноги следующего Попова, иначе зачем бы ему стал писать письмо-завещание отец, столько выдержавший в жизни и успешный, словно последнее рукопожатие, передать ему свой наказ.

Так уж совпало, что буквально через несколько дней его пригласил к себе патриарх Николай Николаевич и сообщил, что планирует уступить значительную часть акций иностранному инвестору-стратегу. Сергей Петрович и не подумал нарушать правила игры. Николай Николаевич не зря отметил его в свое время за умение держать язык за зубами, промолчал он и сейчас, хотя прекрасно понимал, что это за бойцы, прикрывшиеся экзотическими юрисдикциями. Для окружающих же Сергей Петрович просто выходил в кэш, так делали многие и помоложе его. Вполне вписывалась в общий тренд продажа дорогостоящего родового гнезда и предполагаемый переезд на покой в Теплице. Все, у кого образовывался хоть какой-то капитал, первым делом бежали покупать заграничную недвижимость. Во времена его молодости так покупали ковры и хрусталь, теперь дома и квартиры по всему свету.

Вот как бывает, – думал в те дни Сергей Петрович, – живешь себе годами размеренной, от утреннего кофе до вечернего кефира, жизнью, и на тебе, оказывается, ты просто копил силы, чтобы в нужный момент перейти в галоп. А я уж было совсем монахом заделался, забыл, как женщину надо раздевать, будто и вправду осталась одна дорога – в монастырь.

– Мы, Коля, имеем хоть и корявую, ублюдочную, но все же рыночную экономику, – Сергей Петрович наконец сообразил, что надо сказать другу. И, главное, окончательно решил, о чем не надо рассказывать ни под каким видом. С Николаем Николаевичем можно было хорошо расслабиться, а дело делать придется наемному детективу, и то, что ему-то и рассказал Сергей Петрович все как на духу, без утайки, было правильно, одному тут не справиться.

– Мы, Сережа, жили, живем и будем жить при феодализме, только без потомственной аристократии. О таком варианте Иван Грозный даже мечтать не мог, – перебил его Николай Николаевич, – а нам с тобой крупно повезло, – он начал для наглядности загибать пальцы, – родились в Москве – раз, прилично устроены – два, а главное – при деньгах, это три. Ты не в Вороново, а за сто пятьдесят километров от Москвы съезди. Вот где все без фиговых листков, наверху – звери, и внизу – они же. Будто от человеков остались только пасти зубастые и лапы с когтями. Все, кто способен думать и творить, стараются унести ноги. Сначала в Москву, далее везде.

– Хорошо, Коля, съезжу обязательно, только не сегодня. Извини, что не с того начал. В общем, я подумал, что вести поиски самостоятельно я не смогу. Нет времени, навыков, да и силенок, честно сказать, маловато для такого дела. Да и кто я такой? С какой стати мне должны давать документы в архивах? Я ведь Коновалов, а ищу почему-то Поповых. Можно, конечно, было достать бумажку в Союзе журналистов или еще где. Но все равно это долго, муторно и не очень грамотно чисто методически. В общем, капиталисты нас учили двадцать лет назад, что каждый должен заниматься своим делом.

– И ты нанял человека.

– Так точно, Коля. Такого вот Шерлока Холмса, отставника из московской ментовки, только без доктора Ватсона. Может быть, миссис Хадсон у него и имеется. Не знаю, не видел.

– Все шутишь, Сережа. И что твой Шерлок накопал?

– Судя по всему, я действительно Попов. Но установить это окончательно может только генетическая экспертиза, анализ ДНК. С точностью в положительном случае до девяноста девяти и девяти десятых процента, многое еще зависит от степени родства.

– Сережа, я достаточно грамотный человек. Нужен родственник, желательно близкий и хорошо бы живой, – Николай Николаевич смотрел на друга внимательно, словно от предположения, что он может носить другую фамилию, что-то в нем должно было измениться прямо на глазах.

– Кое-какие данные на этот счет имеются, – Сергей Петрович выразился предельно осторожно.

– Не сомневаюсь. Твой Шерлок притащил тебе за твои кровные и, надо думать, немалые денежки кучу копий, разных выписок, цитат из мемуаров, старых фотографий и прочего. Зачем тебе все это надо, Сережа? – вопрос прозвучал с несвойственным Николаю Николаевичу нажимом. – Возьми, если уж так приспичило, и поменяй фамилию. Был Коновалов, стал Попов, это на раз-два делается, заявление только подать, и все.

– Все просто, Коля. Сейчас, сегодня я – никто. Понимаешь, никто. Фамилия у меня такая – гражданин Никто, – Сергей Петрович для наглядности воспроизвел указательным и средним пальцами рук известный жест, обозначающий кавычки. – Да, есть отцовская могила, там же лежит мама, которую я почти не помню, и все. Ниточка обрывается в Юрьевке, там, вместе с другими, в братской могиле, похоронены старики, выращившие отца и расстрелянные ни за что ни про что немцами в рогатых касках и серых шинелях. Эти старики знали, кто были настоящие родители Петра Попова, больше того, не отказали им в такое страшное время, как зима восемнадцатого года в России. Больше у меня ничего нет. Это значит, что и меня нет. Я живу вроде как по потерянному паспорту, под чужим именем.

– Между прочим, под этим именем на фронте воевал твой отец.

– Не забывай, Коля, он воевал, уже зная, что он не Коновалов. И это ничего не меняло, с немцами воевала вся земля. Это не гражданская с ее индивидуальным выбором, а народная война. К сорок второму все поняли, что если их верх, не будет России.

– Хорошо, допустим, ты идешь в своих поисках дальше, – Николай Николаевич почувствовал, что разговор превращается в спор, – больше того, у тебя все получается, и что это тебе дает? Посмотри на себя в зеркало – можешь сколько угодно прикидываться и дурачиться, хоть с ног до головы облейся «Тройным» одеколоном, сразу видно, что ты солидный человек, от тебя за версту пахнет деньгами, большими деньгами, такие, как ты, управляют жизнью, вокруг них все и вертится. Пусть ты и не олигарх, не саудовский принц, но, по-моему, ты усложняешь. Цель, то, о чем мы и мечтать не могли, только в книжках читали, достигнута. Ты самый настоящий долларовый миллионер. Мистер Твистер. Чего тебе еще?

– Я тебе скажу. Прежде всего, я должен выполнить просьбу отца. Согласись, это дело святое.

Николай Николаевич молча кивнул. Он никогда не спорил без нужды.

– А для себя – я пытаюсь встроиться, вернее, занять свое законное место в истории страны. Как бы высокопарно это ни звучало. Я хочу, чтобы у меня кроме племени был еще и род. Тогда я смогу себя уважать. Сам. Там, глубоко внутри. С этим уважением просыпаться и засыпать. Согласись, это совсем другое, чем получать улыбки, когда даешь на чай. Короче, это называется чувством собственного достоинства.

– Давай прервемся ненадолго, еще чуть-чуть – и мы дойдем до темы прав человека, – Николай Николаевич умел вовремя понизить градус, – закажем свежего чайку, горяченького, а то во рту пересохло, и пройдемся до ветру, пора уже.

В последний год, после поездки в Дьяково, Сергей Петрович часто разглядывал немногие пожелтевшие фотографии в альбоме с потертым коленкоровым переплетом, сидел вечерами на темной кухне с кружкой остывшего чая, уставившись в одну точку, припоминая скупые рассказы отца, старался поставить себя на его место, придумывал такие сцены и ситуации, куда бы органично вписывались его дьяковские дедушка и бабушка. Получалась игра, напоминавшая желанные в детстве, а ныне забытые переводные картинки: капаешь водой на маленький, чуть больше почтовой марки, прямоугольник бумаги, осторожно стираешь пальцем верхний сероватый слой, и из-под него неброско выглядывает силуэт дома, уличная сценка или портрет человека.

Оказалось, что в памяти хранится масса всего, даже детские сны. Сергею Петровичу вспоминались проступавшие под осенними дождями надписи с ятями на фронтонах старых домов – «Москатальная лавка», например, запах керосина и воска для натирки полов, одноконные повозки на автомобильных шинах, безногие инвалиды на самодельных досках-каталках с подшипниками вместо колес, соленые маслята из пахнущих гнильцой бочек, мальчишеские бои на грубо обструганных деревянных мечях после трофейного фильма «Королевские пираты», черный дым из трубы допотопного паровоза «Овечка», тащившего выкрашенные в зеленый цвет деревянные вагоны пригородного сообщения. Пусть и очень смутно, он помнил визжащие трамваи на Садовом кольце и серые силуэты пленных немцев, укладывавших дорожное полотно. В лесу, куда они с отцом ходили по грибы, в провалившихся блиндажах и осыпавшихся воронках еще догнивал в те годы последний мусор войны – ржавые консервные банки, обрывки солдатских ремней и бесформенное тряпье.

Петр Иванович иногда брал сына с собой в Москву на деловые переговоры, он проводил их в буфете гостиницы «Савой» (потом «Берлин», теперь опять «Савой»). Маленького Сережу полненькие розовые буфетчицы в белых крахмальных кокошниках усаживали в глубокое кресло, покрытое холщовым чехлом, кормили бутербродами с красной икрой и сладкими пирогами, наливали горячий чай в блюдце и старательно дули на него, чтобы ребенок

не обжегся. Бывало, когда переговоры затягивались или переходили в ресторан этажом ниже, его оставляли под присмотром буфетчиц, и мальчик, уставший от поездки и разомлевший от еды, так и засыпал в кресле.

У отца Сергея Петровича были в Москве и вовсе странные дела. Так, он регулярно навещал нескольких старух, ютившихся в жалких фанерных пеналах коммунальных квартир. Петр Иванович приносил им объемистые пакеты с едой и давал деньги. После первого такого визита подросток Сережа был строго предупрежден о неразглашении подобных контактов в школе или на улице. Теперь-то Сергей Петрович понимал, в чем тут было дело. Старушки с чисто вымытыми руками, подкрашенные и напудренные, всячески старавшиеся держаться молодцом и даже кокетничать, несмотря на возраст, ссылки, допросы, инфаркты и жалкие седенькие букольки, были вдовами кооператоров, пошедших под нож вместе с Чаяновым и настоящей, еще дореволюционной кооперацией. Потом их не стало, они ушли в небытие вместе с последними остатками империи, как ушли и забылись ситные калачи, леденцы в жестяных коробочках и мельхиоровые щипчики в коробках шоколадных конфет.

Сергей Петрович все это помнил, просто много лет, несколько десятилетий, да нет, получается, что всю жизнь это было ему ни к чему. И вот на тебе, выплыло откуда-то, как выплывал, помнится, во время поездки с отцом по Волге старый пароход из речного тумана, сверкая огнями и шлепая по воде деревянными лопастями колес.

Выходило, что от далекого морозного зимнего вечера, разъединившего его с естественной и живой цепочкой предков, до сегодняшнего, в тепле и уюте своего дома, совсем недалеко, рукой подать. Легко представить себе, как дед с бабкой поживают от холода в полутемной юрьевской церкви, ожидая, пока его брыкающего ножками в перевязочках и заходящегося в крике отца окунут в медную старинную купель. За окном воеет февральская вьюга, дорогу замело, и у лошади из ноздрей свисают сосульки. В церкви пусто, почти темно, пяток свечей еле-еле освещают придел, где совершается таинство: батюшка согласился крестить только поздним вечером, чем меньше людей будет знать, тем лучше. В деревнях уже верховодит голь перекатная и кожаные комиссары из недалекого Подольска, чуть что не так – револьвер в зубы, и весь разговор. Одна надежда – в такую метель комиссары и активисты, скорее всего, бражничают в жарко натопленной избе, обменяв награбленное, а то и снятое с убитых на самогон.

Вечерние эти раздумья не давали Сергею Петровичу покоя. Он стал плохо спать, сосал валидол или пил на ночь валерьянку в таблетках, снотворное принимать не хотел, слышал, что не стоит привыкать даже к легким наркотикам. Теперь, попадая в московскую толпу, он пристально вглядывался в лица встречаемых. Особенно внимательным взглядом окидывал мужчин между двадцатью и сорока. Расскажи кому-нибудь чужому, что он ищет, тотчас вызвали бы психовозку. Он прикидывал, могли бы эти люди быть потомками убийц его настоящего дедушки, того самого купца Попова. Копию документа со штампами и подписями, отпечатанного на старинном «Ундервуде» с прыгающей буквой «о» на четвертушке листа скверной бумаги, он прочитал всего один раз и больше не мог заставить себя взять в руки.

«Как же я их всех ненавижу», – эту фразу Сергей Петрович повторял про себя всякий раз, когда навстречу попадалась подходящая на первый взгляд физиономия. Нужно было что-то делать, долго так продолжаться не могло. Повезло, что отставник-пинкертон нарыл еще кое-что, и решение сложилось само собой. Стало полетче. Сергей Петрович залез в Интернет, встретился с людьми из агентства недвижимости и, даже не пересекая границу – все по электронке и скайпу, – купил дом в Теплице.хлопоты по упаковке и отправке вещей, переписка с агентом-чехом по поводу налогов или мелких ремонтных работ съедали теперь значительную часть дня, но главное – впереди была понятная программа действий...

– Ну что, Сережа, надо бы эту Тamarочку оприходовать, – просветленный Николай Николаевич уселся на место после недалекого путешествия, ему удалось вроде бы незаметно сунуть официантке визитную карточку с мобильным телефоном и наспех нацарапанным призывом встретиться сегодня после закрытия заведения, – ты как считаешь?

– Святое дело. Между прочим, ты там в туалете занимался оценкой своих возможностей или седые волосы с гениталий удалял?

– Тут главное, чтобы потребности с возможностями совпадали. Тогда возникает гармония, – продолжал балабонить Николай Николаевич, – ну, ладно, это все потом, рассказывай дальше. Так что же все-таки раскопал твой детектив?

Секретарша расторопно сложила на поднос пустую одноразовую посуду, смахнула с приставного столика крошки, еще раз оглядела кабинет. Убедилась, что ничего не упустила, и, стоя с подносом в руках, вопросительно посмотрела на шефа.

– Манана Григорьевна уже здесь?

– Только что подъехала, ожидает в приемной.

– Вы ей предложили что-нибудь?

– Она отказалась.

– Хорошо, просите, – предисловий в разговоре с экстрасенсом не потребуется, можно сразу доставать фотографии.

Смирновские фото Степан Николаевич убрал обратно в ящик стола, а фотографии Коновалова разложил веером на приставном столике.

Поджарая, небольшого роста грузинка с приметной серебряной прядью в иссиня-черных, как у ворона, коротко стриженных волосах молча кивнула в знак приветствия и, словно орел с высоты, спикировала хищным носом на приготовленные для нее фотографии.

– Интересный тип. Непростой, с родословной.

– Это лирика, Манана Григорьевна. Меня интересует, есть ли у него родственники, здесь или за границей.

– Без всякого сомнения.

Госпожа Надирадзе отличалась от других представителей своей профессии тем, что никогда, даже перед ярко выраженными лохами, не устраивала спектаклей – с употреблением непонятных терминов, пассажами, закатыванием глаз и мнимым уходом в астрал. Одевалась просто, по-деловому, о своих достижениях и знаменитых пациентах не распространялась. От настойчивых просьб принять участие в популярных телевизионных шоу вежливо уклонялась. Главное, если не могла выполнить задачу или чувствовала психологическую несовместимость с клиентом – не брала заказ ни за какие деньги. За это ее больше всего ценили в «Центре».

– Так все-таки где, здесь или там?

– Точно не здесь, а вот где там, сказать не берусь. История довольно запутанная, но интересная. Пахнет большой политикой. Не сейчас, в далеком прошлом. Буду рада, если вы меня пригласите, когда последует продолжение.

– Непременно, Манана Григорьевна, – Степан Николаевич даже сподобился поцеловать проницательной даме ручку, думая про себя, что и экстрасенсы должны же ошибаться, вряд ли ей еще когда-нибудь придется заниматься Сергеем Петровичем Коноваловым. Он же Попов. Его участь уже решена. Впрочем, не ошибается только «Центр». Никогда и ни в чем. Не ошибется и на этот раз...

– Так вот, дорогой мой Никола, опустим массу интереснейших подробностей. Главное состоит в том, что у моего отца есть или, скорее всего, был старший брат.

– Ну-ну, допустим, чего в жизни не бывает, и где же он, этот твой, получается, дядя?

– По всей видимости, в Штатах.

– Так я и думал, – рассмеялся Николай Николаевич, – стандартная история. Сейчас все, у кого есть деньги, обзавелись дворянскими родственниками, а то и титулами. А это значит, что должна быть родня среди старой эмиграции, а она после войны вся потянулась в Штаты. Кстати, Поповы-то из каких? Если мне память не изменяет, знаменитые купцы были, миллионщики. Чаеоторговцы, кажись. Эх, ребята, старика Островского на вас нет.

– Мне продолжать? – обиделся Сергей Петрович.

– Конечно. Ты слишком опытный бизнесмен, чтобы платить за любое фуфло, подсунутое спившимся ментом.

– Тогда очень коротко. Ты историю, как выяснилось, неплохо знаешь, поэтому детали объяснять не буду. Мой настоящий дед Попов – купец из Калуги. Не самый богатый, но уважаемый. Маслобойный завод, несколько лавок. Дом, кстати, цел до сих пор. Ты будешь смеяться, сейчас там загс с потугами на Дворец бракосочетаний. Я в нем был, до того расчувствовался, что даже выпил бокал шампанского с новобрачными. Подумал, а не осталось ли тут случайно дедушкиной мебелишки – двенадцати стульев мастера Гамбса, надо бы распотрошить. Так вот. Потомственный почетный гражданин, церковный староста. Его старший сын, Павел, перед самой революцией окончил морской корпус, попал на Черноморский флот и угодил ни много ни мало в адъютанты к самому Колчаку. Вместе с ним ездил в Штаты, потом Япония, далее Сибирь. В конце эпопеи – поражение белых, расстрел Колчака. Здесь следы дяди теряются.

– Роман, да и только, причем приключенческий. Такие повествования, говорят, зэки очень любят слушать, загорая на нарах. Конечно, еще должна быть любовь-морковь. Ладно, какая же разница в возрасте с дядей у твоего отца?

– Без малого двадцать лет. Отец – последыш, не забывай, тогда аборт в религиозных семьях не делали.

– Правильно, но учет в Российской империи поставлен был неплохо, поэтому я и продолжаю утверждать, что бесследно люди даже в гражданскую войну не пропадали.

– Ты, Николай, не с того конца подходишь к проблеме, – Сергей Петрович наконец догадался, что своими открытиями нарушает сложившуюся за много лет иерархию отношений, и убрал из интонации наступательные нотки, – дело не в том, чтобы доказать, что они там, в Штатах или еще где, – Поповы, нужно убедиться, что я – Попов. Надо ехать искать, если повезет, знакомиться, показывать бумаги, просить сделать анализ ДНК, другого выхода нет. А выписки из церковно-приходских книг имеются. И на Попова, это дядя, – из Калуги, и на Коновалова, то есть папу, – из храма Покрова Святой Богородицы, это в той самой Юрьевке. Светским властям церковные всегда хорошо помогали, без них бы историкам труба. Бумаг, вообще, у меня хватает, повезло, детектив оказался толковый.

– Ты же сказал, что едешь в Теплице, – Николаю Николаевичу начала надоедать вся эта история, неожиданно оказавшаяся такой сложной и запутанной. Он-то приготовился встретиться со старым другом, махнуть по кружке пива, может быть, сходить попариться в сауну, если раззадорятся, вызвать пару расторопных девах.

– Теплице не отменяется, – Сергей Петрович хорошо понимал товарища, никто не любит вникать в чужие проблемы, мало ли, вдруг еще о чем-то попросят, и решил, что пора сворачивать встречу, главное сделано и сказано, – просто хочу тебя предупредить, не удивляйся, если меня еще куда-нибудь занесет.

– Ой, Сережа, лукавишь. Сходил бы со всем этим бумажным добром в Красный крест, они тебе за милую душу кого хочешь отыщут. Не надо никуда мотаться, суетиться. Ты же основную работу уже проделал, пустяки, на раз плюнуть, остались. Ну, подмазал бы слегка для скорости, принес пару тортиков и шампанское, тамошние архивные тетki аллюром три креста бы забегали. Да что я тебя ученого учу, не хуже меня знаешь, что западники доверяют официальным бумажкам, чтобы на бланке и даже конверт должен быть соответствующий, а ты

норовишь завалиться прямо на порог и чисто по-русски, с бутылкой «Столичной» под мышкой, – «Здравствуйте, я ваша тетя»!

– Честно тебе скажу, Коля, не сидится мне что-то на одном месте. Кроме того, я вообще ничему и никому в этой стране не верю. Отец так меня с детства учил: «Не верь, не бойся, не проси». Тебе проще – тебя папаша до сих пор прикрывает. И Ирина у тебя есть. А я один как перст. Мне сейчас надо, как подводной лодке, – лечь на дно и позывных не передавать. Такие старички с денежкой, квартирами и загородными домами у нас долго не живут. Там, как ни крути, лояльнее к богатым людям относятся. Так что я лучше продолжу поиски из Теплице.

В одном Сергей Петрович покривил душой. Он уже не был один. Вопреки всяческой житейской логике, будто наверстывая упущенное, пару месяцев назад строго-настрого запретил маленькой женщине из коричневого автомобильчика избавляться от проснувшейся у нее внутри крохотной жизни. Но не торопился и официально регистрировать брак. Для этого их ожидало Теплице. Сергей Петрович, видимо, всерьез решил прожить вторую жизнь, больше того, все, что с ним происходило на протяжении полувека с лишним, получается, было только репетицией, подготовкой к этой второй и настоящей, он твердо в это верил, счастливой жизни. Дерзновенная мечта – получить одним махом родовое имя, дом, жену и ребенка – признавал наедине с собой Сергей Петрович – может и не остаться безнаказанной. Как бы не прогневить Бога, а с другой стороны, за эти годы и десятилетия он же никому не сделал зла, разве такое не идет в зачет?

Главное отличие «Центра» от других закрытых и специальных заведений состоит в том, что здесь всегда идут не только в ногу со временем, но и стараются опережать его. Достигается это максимальным использованием технических новинок. На всякого рода электронные штучки денег тут никогда не жалели. Очень любят и привечают разного рода умников. От таких в государственных конторах шарахаются как от чумы и избавляются под разными предложениями, а в «Центре» с ними всегда носились и умели ладить. Информация и прогресс – эти два слова можно смело делать девизом «Центра».

Задача, вставшая перед Сергеем Петровичем, уже отняла массу времени и еще заставит потратить на ее решение немало денег и опять-таки времени. Если, конечно, ему это время отмерено. В «Центре», как только аппаратура прошептала начальнику в ухо недостававшее до этой минуты звено – имя, фамилия и отчество уже были известны, да к этому еще добавились весьма приметные вехи биографии, – за решение задачи взялась машина. Тем более что в «Центре» не держали архивов в привычном виде – никаких тебе подвалов с рядами металлических стеллажей и пыльными папками, – не тряслись над пожелтевшими бумажками, а все, что было накоплено раньше и удавалось получить теперь (а получали разными способами, поверьте, очень и очень много), хранилось в оцифрованном виде.

То, что выдал на-гора умный, как двадцать пять тысяч Эйнштейнов, компьютер, заставило Степана Николаевича вытереть непроизвольно вспотевший лоб клетчатым носовым платком и взяться за телефон. Вот оно, главное богатство «Центра» и основа его могущества, – люди. Это настоящее искусство – отбирать не просто талантливых, но выдающихся, больше того, способных научиться правильно реагировать на неожиданности, не терять драгоценное время, беспомощно копаясь в разного рода должностных инструкциях и кодексах служебного поведения, а быстро соображать и просчитывать комбинации не хуже электронных машин.

Босс обнаружился за городом – конечно, где же еще быть в такой чудесный весенний день нормальному семьянину. Услышав в трубке голос ответственного за важную операцию, понял, что случилось нечто экстраординарное. В «Центре» разного рода неожиданными поворотами сюжета никого не удивишь. В данном случае на кону стояли очень большие деньги, причем Степан Николаевич хорошо знал, что и ему после успешного завершения акции причиталась

довольно приличная премия, позволявшая наконец-то купить в Москве достойную квартиру. Тем не менее дело и высшие интересы «Центра» были важнее всех привходящих соображений.

– Сейчас буду у вас сам, – босс, как всякий разумный человек, не доверял даже линии закрытой связи, сколько бы ни твердили специалисты, что дают стопроцентную гарантию от прослушки.

– Смените пару наружников, – распорядился Степан Николаевич по телефону внутренней связи, – пусть отдохнут. Повторите инструкции этим, как вы сказали, Бибикову и Высоцкой. С головы объекта не должен упасть ни один волос. Они будут наказаны, даже если он поскользнется на банановой кожуре и подвернет ногу. У меня все...

– Нет, Сережа, хоть ты режь меня, не могу принять пока твою версию, – Николай Николаевич крутил полученную информацию и так и этак. Если бы перед ним лежали бумаги, он бы обязательно понюхал листочки и еще на свет просмотрел. – Адъютант адмирала, командующего Черноморским флотом, Верховного правителя России – это же очень круто! С другой стороны, желторотый мичман, да еще из купцов. Ну, сам подумай, Сережа, Российская империя, золотое Георгиевское оружие, блеск орденов, белоснежные мундиры и, ты меня, конечно, извини, ваша маслобойка в Калуге. У меня это в голове не укладывается.

– Видишь ли, Коля, так уж работала система социальных лифтов в Российской империи. Согласись, потомственный дворянин Владимир Ильич Ульянов – классический пример. Меня в свое время что поразило – его матушке, воспитавшей брата Сашу-царевича, император пенсию за мужа, действительного статского советника, платил. Положено по закону, вот Александр Третий, на свою беду, закон и не нарушал. Кстати, и на письмо вдовы с просьбой о помиловании сынка самолично ответил. Были, между прочим, в нашей истории два графа из казаков, а один, Евдокимов, из солдат. Никакие вовсе не фавориты, выслужили горбом и ранами. Посмотри, кто руководил Белой армией: Корнилов, Деникин, Алексеев – все они из простых семей, совсем не столбовые дворяне. Павел Попов, кстати, черный гардемарин. Морской корпус, тут ты прав, заведение для благородных, перед Первой мировой расширили набор на особые курсы, восполняли потери в русско-японской войне. Ошибки быть не может – все известно поименно. Беда российская, Коля, не в этом. Трагедия в том, что слишком мало ребят от маслобойки шли служить государству, революцию им подавай. Все и сгнули. И те и другие. И стране прямо на наших глазах приходит кирдык.

– Может, мне с тобой поехать, а, Сережа? – мысли Николая Николаевича устремились теперь в иное направлении, – надоело мне тут париться, сколько можно задницу на одном месте протирать?

– Я же тебе сказал, обоснуюсь в Теплице и приезжай. Хочешь один, хочешь с Ириной.

– Я бы вот с этой Тamarочкой в охотку приехал, – выдал Николай Николаевич сокровенную мечту, – покувыркался бы всласть напоследок и завязал.

– Мечта всех алкоголиков, – прозвучал жесткий ответ, – последний стаканчик. За ним, как известно, маячит смирительная рубашка. Тamarочка – товар не экспортный, скоропортящийся, сугубо для внутреннего употребления.

– Конечно, ты прав, Сережа. Жалко только, что все вы – отец, Ирина и даже ты – не даете мне помечтать.

– Чего тут мечтать, – возразил досконально изучивший приятеля Сергей Петрович, – ты же телефончик, небось, ей сунул?

– Откуда ты знаешь? – удивился Николай Николаевич.

– Неважно. Маша будет наша. Разве не так, Коля?

Босс приехал быстро. По случаю весеннего выходного дня он не считал нужным париться в рубашке с галстуком, оделся по-спортивному, в джинсах и футболках теперь ходят все –

и министры, и безработные. Выглядел босс молодо. Было известно, что он неплохо играет в теннис, родители записали еще мальчишкой в секцию «Динамо» на Петровке. Отсюда точность движений, сильные руки и быстрый, примеривающийся к удару взгляд холодных серых глаз. Ходили слухи, что он закончил МГИМО и еще какое-то закрытое учебное заведение, но точно, конечно, никто ничего не знал. Босс доверял мнению подчиненных, но речь шла об отмене операции, на нее уже были затрачены приличные деньги, ожидалась и достойная прибыль. Только поэтому он счел нужным лично оценить данные прослушки.

– Объект должен улететь послезавтра утренним рейсом? – интонация ничем не выдавала реакции босса на услышанное, голос звучал ровно, если не равнодушно.

– Так точно.

– Что у нас есть на Павла Попова?

– После ареста и расстрела Колчака ушел сначала в Харбин, потом, в 1926 году переехал в Штаты. Быстро получил гражданство, закончил летное училище, служил в морской авиации. В 1929 году женился на эмигрантке, княжне Красносельской. Подполковник. Награжден орденами США и Великобритании, французским орденом Почетного легиона. Зафиксированы два вербовочных подхода отечественных разведслужб. Оба результатов не дали. Сбит в 1944 году в воздушном бою над Нормандией, взят в плен, освобожден из лагеря в апреле 1945. В 1948 родился сын – Питер Попов. Вскоре овдовел, успешно занимался бизнесом, второй раз не женился, умер в 1989 году. Урны с прахом супругов Поповых захоронены на православном кладбище в Ново-Дивеево. Питер Попофф – мультимиллионер, двое детей, внуки, от дел отошел, проживает в пригороде Нью-Йорка.

– Вы что, предполагаете, отец мог передать сыну тайну золота Колчака? – босс чуть скрипил тонкие губы, это должно было изображать ироничную улыбку.

– Конечно нет. Зачем повторять чужие ошибки. Так и до библиотеки Ивана Грозного можно дойти. В биографии лейтенанта Российского императорского флота, а впоследствии подполковника ВМФ США Попова нет ничего такого, что нужно было бы скрывать от собственного сына, да и от кого-либо еще. Миссия Колчака в Штатах достаточно хорошо известна. Замысел операции не связан с потомками американского Попова напрямую.

Босс строго посмотрел на подчиненного, в «Центре» не любили литературщины, предпочитали выражаться кратким, сухим, официальным языком и не строить сложных предположений, основанных на эмоциях и догадках.

– Пока я не улавливаю вашу мысль.

– Ознакомьтесь, пожалуйста, с этой бумагой. Главное в ней – фамилия исполнителя, – человек, похожий на Поскребышева, ловко развернул свой компьютер так, чтобы начальнику было удобно прочесть короткий текст на экране.

– Ага, – реакция последовала быстро. – Этот исполнитель, он кем приходится нынешнему главному кандидату в губернаторы? Или однофамилец?

– Дедушка.

Босс понимал, как нелегко подчиненным брать на себя инициативу в строго иерархических организациях, да еще в таком щекотливом деле, но должен был довести разговор до конца – раз есть обязанности, есть и ответственность.

– Замысел операции, я предполагаю, у вас уже сложился?

– В общих чертах. Такие комбинации возникают раз в сто лет.

Опять литературщина. Но босс уже чувствовал, что тут все должно получиться. Другое дело, что в наше время никто не хочет рисковать. В мире стало слишком много денег, акций, облигаций, фьючерсов, всякой бумажной трухи. Умело спекулируя, несложно сколотить состояние, равное бюджету какой-нибудь небольшой страны. И еще пропаганда на каждом углу. Даже в «Центр» стала проникать насквозь фальшивая, но назойливая и прилипчивая риторика обгадившегося уже не единожды общества потребления. Никто не хочет больше стирать себе

в кровь ладони, влезая на Кордильеры, чтобы увидеть неповторимое – два океана под ногами. Зачем? Можно сходить в кино, за сущие копейки купить диск и воткнуть его в телевизор, или еще проще – скачать картинку из Интернета. Так и здесь – риск огромный. Но ведь и выигрыш сумасшедший! Или не отменять послезавтрашнюю операцию? Все готово: чик-чирик в стиле тридцатых годов прошлого века – и человек-двойник Коновалова с замечательной легендой в этом самом Теплице передает капитал, не спеша, порциями, доверенному лицу «Центра», возвращается на родину и исчезает на ее просторах. Далее – и целого мира мало. Все продумано и выверено. Надо отдать должное автору – Степану Николаевичу: быстро сообразил, когда совершенно случайно подвернулся двойник этого Коновалова. И биометрические паспорта пока что не ввели.

– Почему бы не совместить две комбинации и не отправить нашего человека в Штаты вместо этого Коновалова-Попова?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.